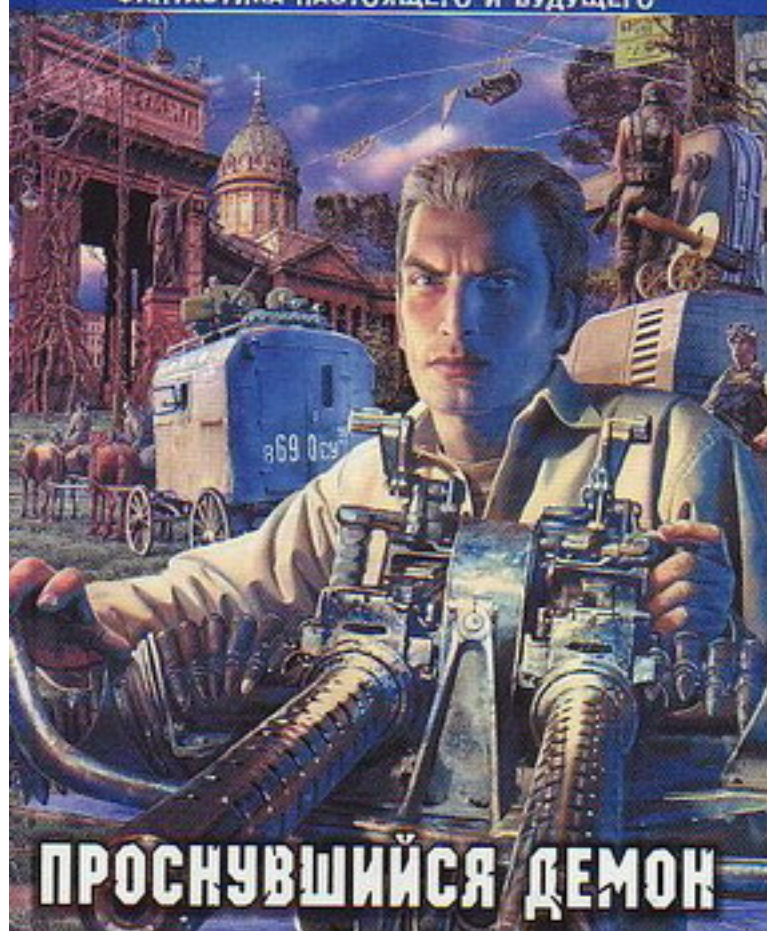

**АЛЕКСАНДР
МАЗИН**

ПРЕДСТАВЛЯЕТ ПРОЕКТ:
«АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРА XXI ВЕКА»

**ВИТАЛИЙ
СЕРТАКОВ**

ФАНТАСТИКА НАСТОЯЩЕГО И БУДУЩЕГО

ПРОСНУВШИЙСЯ ДЕМОН

Проснувшийся Демон

Виталий Сертаков

Проснувшийся Демон

«АСТ»

2005

Сертаков В. В.

Проснувшийся Демон / В. В. Сертаков — «АСТ»,
2005 — (Проснувшийся Демон)

Он проснулся и понял, что произошла планетарная катастрофа. Его мира больше нет. Есть мир чужой, где правят банды и колдуны, а чудовищные мутанты охотятся на людей даже при солнечном свете. Его, человека из прошлого, звали Кузнецом, его звали Клинком. Но те, кто верил, что он может изменить судьбу этого страшного мира, называли его Проснувшимся Демоном.

Содержание

1. Обратный отсчет	6
2. Подземелье мертвецов	11
3. Голубоглазая смерть	16
4. Город лысых псов	21
5. Чужой среди своих, или О важности огневой подготовки	26
6. Пленник Эрмитажа	31
7. Семейка Рубенс	36
8. Новая русская нечисть	43
9. Караван	49
10. Зеленая атака и дети Красной луны	55
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Виталий Сертаков

Проснувшийся Демон

© В. Сертаков, 2008

© ООО «Астрель СПб», 2008

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

1. Обратный отсчет

Глаза открылись, и человек закричал.

То есть хотел закричать, но сразу же начал задыхаться оттого, что рот распирали широкий резиновый загубник. От загубника в глубину гортани тянулся упругий захват, не дававший возможности шевельнуть языком. Человек понял, что не может не только крикнуть, но даже свободно сглотнуть. Конструкция, раздвигающая губы, позволяла лишь с натугой дышать. Воздух, попадавший в легкие, был очень холодный и отдавал кислинкой.

Он еще раз сморгнул и понял, что его так напугало.

Серая тварь.

Прямо напротив его глаз из голубоватого стекла смотрела адская харя с торчащими из раздутых ноздрей трубками и круглыми резиновыми нашлепками на выбритых висках. Вместо нормального человеческого рта у серокожего чудища торчало спереди нечто вроде хоккейного забрала, куда уходил голубой гофрированный шланг и две красные трубки, потоньше. Макушку укрывала свободная полупрозрачная шапочка вроде тех, что надевают в душ дамы, берегущие прическу. С глазами тоже что-то было не в порядке. Шапочка крепилась ко лбу широкой мягкой банданой, из нее к каждому глазу тянулся тонкий розовый волосок. По поверхности волосков перекатывались еле заметные капельки жидкости.

Глаза моргнули; человек вынужден был признать, что видит собственное отражение. Мозг попытался унять нарастающую панику и прислушаться к телу. И руки, и ноги оставались на своих местах. Человек лежал на спине и почти не мог шевелиться. Голову что-то удерживало повернутой в правую сторону. То, что он принял за зеркало, оказалось узким прозрачным окошком. Слабый рассеянный свет шел откуда-то сзади, а за окошком было темно, поэтому он видел только себя. Распахнутые от ужаса глаза, капли пота на лбу под эластичной повязкой, бьющаяся на шее вена.

Он попробовал пошевелить пальцами и сделал несколько открытий. При нажатии указательным пальцем на невидимую кнопку прямо перед глазами, в нижней части «иллюминатора» заиграл целый ряд зеленых цифр и букв. Буквы шли латинские, но он их легко прочел. Одни цифры постоянно менялись, другие оставались неподвижными. «Давление», «Пuls», «Частота дыхания»... Некоторые слова он узнавал, но никак не мог припомнить, что они означают, например «Лейкоциты». Всего шестнадцать параметров. Он увлекся изучением зеленой панели и тут же понял, что не имело смысла с таким напряжением втягивать кислород. Механизм, пленником которого он оказался, сам исправно подавал воздух в шланг. Человек попытался задержать дыхание. Несколько секунд ничего не происходило, потом раздался щелчок, и поверх зеленых цифр побежала красная надпись: «Принудительная вентиляция. Профилактика системы через пять секунд».

Он не стал дожидаться выполнения угрозы и снова задышал. Красные буквы исчезли. Уже хорошо! По крайней мере, эта штука не пытается его убить. Возможно, он попал в аварию и находится в барокамере?

Легкое движение средним пальцем. Новая картинка. «Мышечный тренинг. Уровень нагрузки – 4. Частота – 120 минут. Задайте другой режим».

Он пошевелил подушечкой безымянного пальца. Еще одна зеленая сетка с цифрами. «Температура реагента», «Скорость циркуляции протектора», «Давление среды»... Нет, это не барокамера и не реанимация. Не может такого быть, чтобы больной сам регулировал параметры жизнеобеспечения.

Человек обрадовался, что не потерял способности трезво мыслить. Кроме того, его не затрудняли сложные слова. Поскольку этот узкий гроб способен выполнять команды изнутри, значит, появляется возможность выбраться отсюда. Он подвигал бедрами, пытаясь определить

на ощупь наличие одежды. Согнул колено и тут же уперся ногой в стенку. Действительно, похоже на гроб. Было еще что-то, жутко его раздражавшее. Сразу он не понял, но теперь, когда первый страх отступил, возник тревожный вопрос: как давно я тут лежу? Он явственно ощущал мягкую помеху в районе заднего прохода и еще какую-то конструкцию, фиксирующую член. Сколько времени надо проваляться в забытьи, чтобы в зад воткнули клизму? Нет, не клизму.

Он вспомнил слово. Катетер.

Предплечье левой руки стягивали как минимум две повязки, зато правая была почти свободна. Ничего страшного, сказал он себе. Ничего страшного. Раз я очнулся, это должны заметить те, кто снаружи, врач или сестра. Сейчас кто-нибудь подойдет и заговорит со мной, все встанет на свои места. Так бывает после аварий: провалы в памяти, и все такое прочее...

Человек честно подождал, считая до тысячи. Никто не появлялся, и свет по ту сторону окна так и не зажегся. Он напрягал слух, но, кроме тихого шипения воздуха в шланге, не доносилось ни звука. Присмиривший было страх зашевелился липкими змеиными кольцами в области сердца. Спокойно, повторил человек, надо вспомнить, как меня зовут. Я думаю, а значит, и говорю на русском. Стало быть, и имя у меня должно быть русское. Я жив, и уже не умру. А раз ко мне никто не подходит, наверное, так и надо. Вероятно, врачи заняты другими пациентами или у них собрание. Или сейчас ночь... Как же меня зовут? Как страшно, оказывается, забыть собственное имя.

Под правой кистью оставались неизученными две кнопки. По сигналу мизинца перед носом вспыхнули электронные часы. Минута четырнадцать, тринадцать, двенадцать...

Обратный отсчет! Правее единички ровно светились десять нулей. Какое-то время он беспомощно глядел на смену цифр. Итак, напрашивалось объяснение, что часы показывали как раз полторы минуты, прошедшие с момента, как он очнулся. А зачем тогда столько нулей справа? А вдруг он космонавт и летит с катетером в заднице к далекой планете? И будет лететь еще несколько тысяч лет? Он изо всех сил напряг память, но ничего, даже отдаленно связанного с космонавтикой, на ум не приходило. Он понятия не имел, чем занимался до того, как угодил в гроб с окошком, но явно не исследованиями космоса.

«...Американцы еще не слетали к Марсу». Ух ты, возникла связанная мысль, первое отчетливое воспоминание! Отголосок телепередачи или газетной статьи. Он так увлекся этой идеей, что не сразу заметил произошедшие на экране изменения. Поверх линии нулей пульсировала голубоватая надпись: «Процесс завершен. Преждевременная разгерметизация. Нарушение температурного режима. Состояние организма стабильное. Ручное управление – код 110».

Как набрать этот чертов код? Внутри него шевельнулось воспоминание. Так и есть, под неподвижной ладонью левой руки располагалась миниатюрная клавиатура. На ощупь он набрал нужную комбинацию.

«Подтверждение любой клавишей». Человек напряг пальцы, готовясь ввести это самое подтверждение, но в последний миг задержался. Почему «преждевременная разгерметизация»? Что может быть не в порядке снаружи? Потоп? Радиация? Змея страха снова шевельнула кольцами, на спине проступил пот. Теперь он вполне чувствовал собственное тело. Он лежал совсем голый, а по всей длине туловища под ним перекачивались тугие подвижные валики, вроде массажера. Это и есть массажер, сказал он себе. Анатомическая массажная лежанка для капсулы полужидкого типа... Черт возьми, из каких закоулков мозга он выкопал подобную тарбарщину?

Воспринимая височной костью оглушительные удары сердца, он опустил левую ладонь на клавиатуру. Раздался протяжный чмокающий звук, словно воздух вырвался из-под неплотно пригнутой крышки на банке домашних консервов, и голубое оконце плавно скользнуло вверх. Человек скосил глаза и увидел белую крышку капсулы, вставшую на попа, в ногах лежанки. Крышка была огромна, не менее двух метров длиной, полна проводов и всяких непонятных

приспособлений. Окошек оказалось два, слева и справа от головы лежащего человека. В процессе мышечного тренинга затылочный захват должен был менять положение головы, чтобы голова не оставалась запрокинутой...

Черт подери, для пациента он слишком подкован! Неужели кто-то способен добровольно забраться в этот напичканный проводами футляр? Он предпринял попытку сесть, вытащил изо рта загубник, из носа шланги, освободил язык. Воздух снаружи ему сразу не понравился. В отличие от свежего морского запаха в камере в «палате» стояла жуткая духота, и плюс к тому пробивался еще какой-то противный запах. Больница, твердил он, сражаясь с браслетами на левой руке. В больнице всегда неприятный запах, ничего удивительного.

Но идея насчет больницы казалась ему все менее убедительной. Ни в одной больнице, даже ночью, не должна стоять такая мертвая тишина. И вдобавок к тишине – абсолютный мрак! Единственным источником света оставался круглый плафончик светильника в головах лежанки. Человек резко потянул с макушки полиэтиленовый берет и чуть не завопил от боли. На его полностью выбритой голове крепились десятки тончайших проводков. Он стиснул зубы и принялся отдирать их по одному, точно Гулливер, вырывающийся из веревок лилипутов. Вдобавок к проводам голову и лицо покрывал слой неприятного на ощупь мельчайшего порошка, вроде талька.

Наконец он освободился от всего, что его держало, и принял сидячее положение. Из правого металлического бортика капсулы, похожей снаружи на овальную джакузи, выступали три огромные сенсорные клавиши: «Вызов дежурного», «Вызов врача» и «Пожарная тревога». На сей раз все на русском языке. Он нажал на «врача», затем подождал и перепробовал все три. Безрезультатно. Никто не спешил на помощь к пациенту. И ни единый звук не достигал ушей.

Человек ухватился за влажный бортик, напомнивший ему уплотнительную резину на дверце холодильника, и перебросил наружу левую ногу. Почти сразу нащупал подошвой рифленый резиновый коврик. Почему-то это придало ему уверенности; еще не дотянувшись ступней до пола, он уже знал, что встретит резину. Влажными были не только податливые борта капсулы. Все тело, казалось, недавно извляли в прокисшем студне.

– Эй! – негромко сказал он.

Звук растворился в холодном безмолвии. Только теперь он ощутил царящий вокруг мороз, по голой коже поползли мурашки.

– Так и заболеть недолго! – вслух пожаловался он. – Есть тут кто живой?

Молчание.

Он перебросил через край вторую ногу, сделал попытку встать и чуть не растянулся на твердом резиновом полу. Мышцы дрожали, точно у древнего старика. Может, я и есть старик, подумал он, успокаивая дыхание. Он ощупал себя в темноте. Нет, с телом все в порядке, ему... Ему тридцать один год. Замечательно... Раз вспомнился возраст, так и до имени недалеко. Вероятно, он здорово ослаб за время лечения. А вдруг был сломан позвоночник и он пролежал несколько месяцев на вытяжке?

Спустя минуту человек поднялся, и, опираясь одной рукой о спасительный борт капсулы, предпринял отважную вылазку в сторону стоящей вертикально крышки. С каждым шагом к нему возвращалось чувство равновесия. За крышкой его поджидало новое открытие: три ступеньки вверх, широкий полукруглый пульт и кресло. Поеживаясь от холода, он опустился на невидимое во мраке кожаное сиденье, бегло ощупал консоль. Его руки помнили невидимые ряды выключателей! Над головой находились какие-то агрегаты, в слабом свете фонаря он различал свисавшие с потолка шланги, отдельные фрагменты подъемного механизма крышки.

«Аварийное питание. Капсула 1. Капсула 2. Капсула 3». Ему пришлось встать на колени и приблизить лицо вплотную к прозрачному щитку, чтобы разглядеть показания приборов. Все циферблаты были давно мертвы. Аварийное питание... Это означало, что в больнице или в

том месте, которое он принял за больницу, что-то произошло со светом. Видимо, все побежали устранять аварию?..

Но где-то же должна находиться стена, а значит, и дверь! Нет, дверь должна быть сзади! В этот момент он совершенно отчетливо вспомнил, как выглядит и каким образом отпирается дверь у него за спиной. Внешний противосейсмический каркас и внутри титановый шлюз с пневматической доводкой... Черт! Человек схватился за голову, уткнулся горячим лбом в приборную доску. Прямо перед глазами прочитал: «Ответственный за противопожарное состояние поста Денисов А. К.».

Денисов, прошептал он. Ну конечно, Толик Денисов. Если его тут нет, должен быть Мирзоян. Но Мирзояна тоже нет, а такого просто не может быть, потому что... Провал.

Он выставил руки перед собой и почти сразу обнаружил выход. Дверь была огромна, потому что именно через нее завозили по утопленным в полу рельсам собранные капсулы... Он отключил мозг и позволил ладоням самостоятельно нащупать колесо. Конечно, раз не светится огонек на магнитном замке, придется крутить вручную. Человек всей тяжестью навалился на железный обруч. Неужели он так ослаб? Колесо не поддавалось, а ведь еще вчера запор снимался одним пальцем!

Он сделал несколько приседаний, чтобы разогнать кровь. Одеревеневшие руки не желали слушаться. Наконец показалось, что колесо поддается. Он нащупал голый пяткой косяк, уперся, скрипя зубами от напряжения. Вчера? Кто сказал, что эту махину трогали вчера? Ему в голову закралось подозрение, что, возможно, счет его болезни идет не на месяцы, а на годы. Ведь была же статья о женщине, перевернувшейся в автомобиле и пролежавшей в коме около четырех лет!

Внутри запора что-то гулко звякнуло, каучуковые направляющие заскрипели под полом, и титановая махина, обитая трехслойной звукоизоляцией, чуть отошла в сторону. Образовавшейся щели ему оказалось достаточно, чтобы понять – в институте случилось кое-что похлеще сбоя на подстанции. В институте?! Он решил не заострять внимания. Чем меньше он станет себя мучить, тем быстрее вернется память. Надо быстрее осмотреться и желательно найти хоть какую-то одежду!

От внезапного света человек был вынужден прищуриться. Плавающий мостик сейсмотамбура выглядел вполне обыденно, но следующая дверь стояла открытой, что нарушало все инструкции... Обдирая бока, он протиснулся в щель. Здесь дышалось гораздо легче, зато из-под ног взметнулось целое облако пыли. На первый взгляд помещение напоминало внутренности огромной трансформаторной будки или телефонной станции. Ряды серых высоченных шкафов с выдвижными модулями внутри, батарея рубильников, закрытые щиты с изображением молнии и пирамидами запасных плавких вставок. Грубый резиновый пол, дохлые мухи, дохлые пауки. Он никак не мог понять, откуда идет свет. С высокого потолка свисали десятки ламп, все заросшие паутиной и выглядевшие так, будто к ним никогда не прикасалась тряпка уборщицы. Заглядывая в сумрачные закоулки между шкафами, он прошлепал до поворота. И здесь встретил окно.

Точнее, не окно, а нижний краешек окна, сантиметров двадцать. Под самым потолком, метрах в трех от пола, забранный стальной двойной сеткой, за которой просматривались толстенные прутья решетки. Стекло было невероятно грязным, но как раз сейчас сквозь заросли паутины наотмашь бил тугой солнечный луч. Теперь человек знал, что очнулся днем, и не на поверхности земли, а в глубоком подвале. Поэтому здесь так холодно. Гигантское подвальное помещение изгибалось под прямым углом. За поворотом силового оборудования больше не встречалось, проход сужался метров до пяти в ширину. Коридор снизу доверху рассекала решетка с двустворчатыми воротами, и сразу за ней – толстое стекло. За преградой, метрах в пяти впереди, различались точно такое же громадное стекло и следующая решетка. Слева от сквозных, приоткрытых сейчас ворот на «нейтральной полосе» находилась стеклян-

ная кабинка, в которой стояло серое от пыли кресло и такого же цвета – монитор компьютера. По другую сторону от резиновой дорожки человек заметил шкафчики для одежды и белую дверцу со значком душевой. Он подумал об одежде, но, шагнув в проход, тут же забыл обо всем.

2. Подземелье мертвецов

Напротив будки проходной, уткнувшись лицом в канавку для мытья обуви, лежал труп мужчины в желтом комбинезоне. Труп лежал здесь не просто давно, он почти полностью мумифицировался. Все, что осталось от контролера, – это голые кости, обтянутые коричневым пергаментом, и комбинезон.

Человек резко оглянулся. Показалось, что сзади кто-то стоит. Пусто. Это солнце за мутным окошком спряталось за тучку, отчего по дальним углам подвала метнулись длинные тени.

Мотор на двери бездействовал. Его это уже не удивило. Здесь не функционировала ни одна система, за исключением абсолютно автономного «спального блока». Стоп! Он замер с поднятой ногой. Спальный блок? Ну да, конечно, он ведь спал... Сколько же способен человек, черт возьми, проспать, если мертвец успел разложиться, а никто так и не пришел его провести? Человек протиснулся между застывшими стеклянными створками, но, прежде чем дотронуться до трупа, направился вправо, к своему шкафчику. Рукоятка привычно повернулась и тут же переломилась пополам. Хозяин шкафчика отшатнулся. Створка открылась с пронзительным скрипом, повиснув на одной петле. Из глубины на него смотрел голый широкоплечий парень с налысо обритым синим черепом, весь живот и ноги в противных зеленых потеках. Он потер кулаком заплесневевшую табличку и ощупью, как слепой, прочитал подушечками пальцев: «Коваль. Мирзоян». Пять шкафчиков с одной стороны прохода, пять с другой. Два без табличек. Итого шестнадцать человек. Да, их было шестнадцать человек, четыре смены. Но он без сомнения шагнул именно к этому, третьему слева, шкафчику.

– Моя фамилия Коваль, – сообщил он отражению.

Осипший голос опять повис, точно запутался в свисающей отовсюду паутине. Человек снова закашлялся, в горле першило, словно перед этим он кричал на футбольном матче. Остаточное действие реагента... Внутри шкафчика висела одежда, но стоило ему протянуть руку, как стало ясно, что подобрать здесь гардероб будет крайне сложно. Светло-синие джинсы почти истлели на сгибах и развалились на части при попытке взять их с полки. Шерстяной свитер при первом же прикосновении рассыпался трухой. По сути дела, это был уже не свитер, а массовое захоронение моли. Внизу стояли две пары обуви. Рассохшиеся, почерневшие кроссовки. Он потянул одну из них, сгнившая подошва осталась на полу. Вторая пара выглядела поприличнее. Короткие прорезиненные сапожки от костюма химзащиты. Он вытряхнул из них остатки истлевших стелек и натянул на ноги.

За дверью душевой рука привычно потянулась к выключателю. Нулевой эффект. Неясный отсвет из коридора сюда почти не доходил, но под потолком имелась такая же оконная щель. Ему показалось, что в глубине комнаты что-то лежит.

Или кто-то. Сердце отбивало не меньше сотни ударов. Можно было закрыть дверь и уйти. Уйти и продолжать бояться. Слава богу, те, кто оборудовал душевую, не удосужились намертво замазать окно.

Коваль бочком ступил на порог. В сапогах он чувствовал себя увереннее, хотя все время хотелось присесть и отдохнуть. Малейшие нагрузки давались с трудом. Я подхватил инфекцию, отстраненно подумал он, разглядывая второй найденный труп, у меня одышка от каждого шага. Прошло невероятно много времени, возможно, лет десять. В институте все погибли, затем снаружи ввели карантин, забили наглухо двери и забыли меня здесь. И я все забыл, болезнь съела мой мозг.

Второй мертвец выглядел не намного лучше первого. Мужчина был полностью укутан в белый комбинезон из прочной немнущейся ткани, и на высохшем черепе болталась такая же прозрачная шапочка, которую Коваль оставил в капсуле. Мертвец сидел в позе мыслителя, сжимая в кулачке шприц, подпирая спиной следующую дверь с едва заметной надписью: «Дез-

инфекция». За этой дверью Коваль сделал первую удачную находку. Точно такие же, как на трупе, висящие в ряд белые комбинезоны. Он вытащил их наружу, целую груду, и принялся перебирать, поднимая повыше к свету. Костюм с вышитой фамилией «Коваль» на нагрудном кармане пришелся ему идеально впору. От материи разило затхлостью и мышами, пластами осыпался грязно-белый порошок, но серьезных повреждений не наблюдалось. Под фамилией на кармане более мелким шрифтом значилось имя. Боясь ошибиться, он вернулся в машинный зал, на солнечную сторону.

– Меня зовут Артур Коваль, – едва ли не плачущим голосом повторил он в пустоту.

Связки сели окончательно, хватило трех слов, чтобы охрипнуть. Коваль вернулся в помещение душевой, зашел в первую попавшуюся кабинку и повернул кран. Что-то хрустнуло, и смеситель вместе со штангой душа остался у него в руке. Вот так, мечту о помывке придется отложить до лучших времен.

С минуту он стоял в задумчивости, трогая носком сапога желтый комбинезон контролера. Переворачивать труп не хотелось. Артур поднялся в будку, где стоял компьютер. Мокрый бетонный пол покрывал ковер бледного мха, где-то неторопливо капала вода. От ватной гнетущей тишины начинало звенеть в ушах. Кроме того, внезапной дикой болью свело желудок. Сколько времени я не ел? И что я вообще ел, пока лежал в капсуле? Нет ответов. Он не без труда выдвинул четыре насквозь проржавевших ящичка в металлическом столе. Внутри лежали какие-то бумаги, но стоило притронуться, как они рассыпались скользкими лохмотьями. Зато он нашел спички. Первые три не зажглись, но четвертая внезапно вспыхнула, испугав его. Спички – это замечательно, осталось найти, из чего сделать факел.

Слева находились стеклянные воротца, через которые он пришел, а справа, за пределами «нейтральной полосы», Артур еще не был. За правыми воротами висела плотная чернильная темнота, хотя Коваль подозревал, что как раз там находится выход вверх. «Запретная зона. Доступ только для персонала пятого отдела!» – прочел он задом наперед надпись на дверях.

Он нашел, из чего сделать факел. Между шкафами «телефонной станции» обнаружился старинный покосившийся стеллаж, битком набитый технической документацией. Здешние бумаги изготавливались, очевидно, из какого-то особого состава и сохранились почти идеально. Артур не стал портить глаза, изучая чертежи, хотя ему почему-то показалось, что он обязательно бы в них разобрался. Он работал в пятом отделе и, следовательно, не мог не знать, чем тут занимаются. Возможно, он был не самым худшим инженером до того, как... уснул. Уснул?! Да, он именно так подумал, именно это слово. Но если он уснул, то куда делись остальные тринадцать человек? Лежат где-то мертвые?

Поджигая один пучок бумаг от другого, он ринулся в запретную зону. На сей раз пришлось изрядно повозиться с замком. Только повиснув всем телом на рычаге электропривода и оторвав его «с мясом», он сумел отодвинуть тяжелую створку.

Уходящий в непроглядную темень широкий коридор. Склизкие стены в бурых разводах. Европанели, здесь всюду были приличные панели, механически отметил Коваль. Артур поджег новую связку газет, ступил шаг, другой. Под ногами чавкнула вонючая грязь. Он поскользнулся и еле сумел удержать равновесие. Импровизированный факел нещадно чадил в поисках кислорода. В судорожных сполохах Коваль успел заметить бескрайнюю лужу, в которой плавали неясные обломки, покосившийся пожарный щиток и решетку старинного лифта напротив. Факел рассыпался багровыми искрами, и вновь спустилась темень. Артур затаил дыхание. Издалека доносился ритмичный шорох, точно некрупный зверек скребся когтями по металлу. Минуту Коваль постоял, прислушиваясь и чувствуя, как на затылке дыбом встают волосы. Ему вспомнился голливудский фильм о мутировавших в канализации гигантских муравьях. Крыс тут быть и не могло, жратвы никакой, а воды по колено.

– Никаких гигантских муравьев не бывает! – твердо заявил Коваль и на ощупь двинулся туда, где раньше заметил пожарный щит. Сапоги по щиколотку погрузились в ледяную воду.

Внезапно что-то мягкое коснулось его ноги. Артур сжал зубы, чтобы не закричать. Крюки, на которых когда-то висел инструмент, давно сгнили, от топора ничего не осталось, но лом он нащупал.

– Так-то лучше! – угрожающе сообщил он невидимым обитателям подземелья. – Теперь мы вернемся и кое-что проверим...

Где-то наверху тучи окончательно закрыли солнце. Пока он отсутствовал, в силовой стало значительно темнее. Если не выбраться отсюда до вечера, придется коротать ночь наедине с двумя трупами... и с теми, кто скребет когтями во мраке. Артур, старательно сдерживаясь, чтобы не обернуться, спокойным шагом пересек проходную пятого отдела, прислонил свое орудие к стене и свернул еще несколько факелов. Пока Артур распахивал их по карманам, его настиг очередной желудочный спазм, значительно сильнее предыдущего. Хоть бы сухарик какой найти, подвывая от боли, мечтал он. На кухне должна быть еда, всегда была...

Кухня. Он безошибочно свернул в щель между одинаковыми железными шкафами, нащупал узкую дверцу. Кухней они любовно называли созданный из бывшей лаборатории химреактивов уютный буфетик. Мгновенная вспышка в мозгу... Он вспомнил, как сам набивал по стенам вагонку и мастерил подобие барной стойки. Буфетик соединялся смежным проходом с «нижним» кабинетом профессора Телешева... Он вспомнил, куда ведет коридор за пределами запретной зоны. Это был вовсе не коридор, а продолжение подземного пандуса для грузовиков. Дальше, за поворотом, там, куда ему очень не хотелось идти, обязаны были находиться раздвижные ворота и пост охраны. А рядом с решеткой грузового лифта, если она также не обвалилась, должна начинаться узкая металлическая лестница наверх, в наземные помещения пятого отдела. Он выберется, но сначала...

– Меня зовут Артур Коваль, – шепотом повторил он. – Я старший научный сотрудник отдела, кандидат наук, и работаю в институте...

Провал. И черт с ним! Артур израсходовал еще три спички, пока новый факел не занялся, и толкнул дверь кухни. В нос ему ударил застоявшийся болотный смрад. От вагонки, самодельной деревянной мебели и бара осталась кучка трухи. Штукатурка со стен обвалилась, обнажив кирпичные своды конца девятнадцатого века. Потолок в двух местах треснул, из черных дыр сочилась ржавая вода. Стараясь не наступать в скопления белесых грибов, Артур поджег следующий факел и заглянул в кабинет шефа.

Профессор Телешев был здесь. Коваль ни за что бы не признал в кучке тряпья своего шефа, но никто, кроме профессора, не осмеливался сесть на его место, за угловой стол. Мебель для «нижнего» кабинета подбирали из новомодного пластика, под цвет офисной оргтехники, поэтому сильно пострадали только стены и шкафы с книгами. Очевидно, за стенкой в буфете лопнул радиатор, и кипятик хлестал до тех пор, пока не опустели батареи на всех шести этажах...

Телешев сидел за столом, положив голову на руки. Сквозь истлевший рукав костюма желтела кость. Напрашивалось лишь одно объяснение. Пока он спал, институт охватил неведомый вирус, но с родимым пятым отделом это никак не могло быть связано. Возможно, во втором или в третьем что-то перехимичили? Но, в таком случае, о чем думает начальство наверху, почему никто не спустится похоронить людей? Факел горел все хуже. Артур уже собрался уходить, но тут заметил напротив стола квадратную дверцу сейфа из нержавеющей стали. Ключ торчал в замке, но Ковалю показалось, что сейф не заперт.

Бумаги и диски на нижней полке слиплись в сплошной пористый комок. Зато на верхней полочке Артур обнаружил кое-что любопытное – завернутый в многочисленные слои полиэтилена картонный журнал и там же дискету. Он смахнул перчаткой слой плесени, опустил факел ниже.

«Тем, кто выживает!»

У Артура остался последний сверток листов. Он вытащил из сейфа пакет и заспешил в силовую. Живот пока не давал о себе знать. Возможно, что он не болен, возможно, что зараза миновала его. За несколько минут, в поте лица орудуя ломом, он сумел отодвинуть дверь сейсмотамбура достаточно, чтобы туманный свет достиг самых дальних закоулков камеры. Затем, в три захода, перенес внутрь всю оставшуюся сухую макулатуру, разделил ее на несколько частей и поджег. Как он и догадывался, помимо капсулы номер один вдоль задней стенки, опутанные проводами, стояли еще две пустые титановые «усыпальницы» с опущенными крышками. Ни одна система не отвечала на запрос, экраны оставались пустыми и темными.

Читать он не разучился. Дотлевала на резиновом полу последняя кучка бумаги, но Артур ни на что уже не обращал внимания.

«Журнал наблюдений. Начат семнадцатого февраля две тысячи шестого года. Пост дежурного инженера пятого отдела.

Камера глубокого анабиоза.

Произведена загрузка капсулы номер два, сроком на восемь суток.

Тип реагента – полужидкий азотный, криопротектор четвертой серии. Испытуемый – Мирзоян Александр, возраст тридцать два года. Комбинированное охлаждение по схеме профессора Телешева. Скорость достижения расчетного давления среды – три часа семнадцать минут.

Двадцать пятое февраля две тысячи шестого года.

Процесс выхода прошел успешно. Скорость – два часа пятьдесят минут. Состояние испытуемого хорошее. Кристаллизация отдельных капилляров. Моторика в пределах нормы. Отправлен в медицинский блок.

Шестое марта две тысячи шестого года.

Произведена загрузка капсулы номер один, сроком на тридцать дней... Испытуемый – Денисов Анатолий...

Процесс выхода прошел успешно...»

Артур сглотнул.

Третье июня. Установлена последняя капсула. Загружены сразу две, сроком на два и три месяца соответственно. Применен новый тип реагента, испытанный ранее на собаках. Артур вдруг явственно увидел себя двумя этажами выше возле самой первой, газовой капсулы, доставленной из Америки. Алик Мирзоян держит барбосу пасть, отвлекает его косточкой, пока Лида выстригает шерсть на затылке, чтобы прикрепить электроды. Телешев стучит по клавишам компьютера, Артур с Толиком таскают баллоны с газом... Сумасшедшее времечко...

Коваль подышал на слипшиеся страницы.

Одиннадцатое сентября того же года. Испытуемый впервые ложится в капсулу сроком на целый год. Артур вспомнил. Именно тогда было принято решение о полном переходе на отечественный реагент. Возникла опасность нарушений в работе синапсов, отвечающих за кратковременную память. И еще, были подписаны контракты на участие западных ученых в испытаниях. Схема Телешева признана самой успешной.

Дальше, когда же дойдет очередь до него? Ага! Десятого января две тысячи седьмого Коваль испытывает на себе третью капсулу высокого давления, с массажной лежанкой и новым типом мышечной стимуляции. Недолгое погружение, три недели... Нет, не то. Ага, вот оно! Седьмое октября две тысячи седьмого года. Капсула номер три. Красовецкая Елена, срок три года. Капсула номер два. Дэвид Паунти. Срок на четыре года. Стоит пометка: оплачено британской стороной. В первую капсулу ложится Коваль. Лену Красовецкую Артур смутно помнил, фамилия Паунти ему ничего не сказала.

Так, Коваль Артур... Он замер. Не может быть! Нет, здесь какая-то ошибка. Он захлопнул журнал. Остальное дочитаем позже.

Первая капсула была загружена на двадцать лет.

3. Голубоглазая смерть

Он выбрался на карниз через окно третьего этажа. На первых двух этажах, в пятом и четвертом отделах, царил полный разгром. Мебель лежала перевернутой, компьютеры разбиты, пол устилал хрустящий ковер из остатков лабораторного оборудования. И везде заросли, залежи пыли. Окна первых этажей всегда закрашивались снизу на три четверти и оборудовались двойными решетками, посему Артуру хватало освещения, но бросить взгляд во двор он не мог. Парадный вход, где обычно сидела охрана, как и калитка во двор, оказались забиты снаружи. Причем именно грубо забиты; он подошел и потрогал торчащие внутрь сквозь мореный дуб блестящие острия гвоздей. В институте не было ни воды, ни электричества. Сначала у Ковалья создалось впечатление, что в корпусе побывала шайка взбесившихся вандалов, но, зайдя в медицинский блок, он изменил мнение. Какими бы безумцами ни родились те, кто вывернул наизнанку сейфы и вырвал из полов ценнейший старинный паркет, к медицинскому оборудованию они явно относились иначе. Здесь также порядочно пошуровали, но не сломали, а вынесли содержимое лечебницы куда-то наружу.

Постепенно он заметил еще несколько странностей. Лампы дневного света, пусть и бездействующие, оставались на местах, но не встретилось ни одной целой лампочки накаливания. Будто кто-то шел и бережно собирал их, точно грибы. Также пропал весь инструмент с пожарных щитов, кроме баллонов. Большая столовая больше всего походила на стенд для испытания боевых гранат; среди груд разбитой фарфоровой посуды Артур засек несколько самых обычных крыс, разбежавшихся при его появлении. Но нигде он не встретил ни одной кастрюли или обломка алюминиевой вилки. На еду для себя он больше не надеялся. Оставалось уповать, что за пределами института простирается не радиоактивная безжизненная пустыня, а родной любимый город.

У Артура в трех местах кровоточили ладони, перчатки комбинезона он изорвал в хлам, когда пробирался вверх по лифтовой шахте. Тяжелый люк черной лестницы одолеть так и не сумел, это была одна из тех могучих железок, что устанавливали в брежневские годы на случай ядерной атаки. Пришлось расширить проем в решетке шахты и карабкаться в полной темноте по шатким мокрым крюкам, вбитым в кирпичную кладку. Дважды крюки сгибались под его тяжестью, и Коваль, мокрый от ужаса, повисал над черной бездной. Наконец над головой сквозь решетку первого этажа забрезжил слабый отсвет. Почти сразу Артур увидел и лифт. Многотонная громада застряла, перекосившись, между первым и вторым этажами. Прямо в лицо Артуру целилась огромная ржавая пятка амортизатора.

Затаив дыхание, стараясь не раскачивать опасно скрипящие ступени, человек выбрался на узкий порожек. К счастью, раздвижную секцию кто-то выломал до него. Не понадобился и лом, который Коваль кое-как прикрутил за спиной куском провода. Целлофановый пакет из кабинета шефа он сунул за шиворот, прямо на голое тело. Внизу его больше ничего не интересовало, и Артур не испытывал малейшего желания посетить подвал вторично. Когда он только начинал подъем, догорел последний факел, спички кончились, и ему показалось, что в темноте под ногами, совсем рядом, что-то пробежало. Что-то приличных размеров.

Явно не крыса.

Теперь он отсасывал кровь из царапин, сплевывал и размышлял, где бы раздобыть хоть огрызок пластыря. Из санчасти исчезло все, даже такие никогда не используемые предметы, как кислородная подушка и костыли. Артур стоял, сплевывая кровь, и прислушивался к зданию. Людей не было и здесь, испарился весь персонал, около пятисот человек. Он слышал только ровный посвист ветра в вентиляции и еще какой-то странный монотонный звук, вроде шуршания домашнего ткацкого станка.

Шит-та, шит-та, шит-та...

Был момент, когда он склонялся к мысли о срочной эвакуации. Тогда объяснялась бы забитая гвоздями дверь. Но даже при самом паническом бегстве инженеры не стали бы уродовать собственные рабочие места. Артур видел оставленную дорогостоящую электронику, микроскопы, лазерные принтеры, которые в случае пожара следовало выносить в первую очередь. Вандалы не тронули электромоторы, но снимали с приводов резиновые ремни.

На площадке второго этажа Артур нашел еще два трупа. Таскать ржавый лом давно надоело, он оставил его где-то в столовой в надежде подыскать более компактное и удобное средство обороны. Но, натолкнувшись на мертвецов, понял, что с разоружением поторопился. Женский труп полусидел на лестнице, прислонившись спиной к перилам, и сжимал в засохшей ладони упаковку одноразовых шприцев. Перед смертью женщина носила длинное кожаное пальто, почти в целости сохранившееся, поэтому Коваль не мог видеть, что произошло с туловищем. Зато он хорошо рассмотрел, во что превратились ее ноги и голова. Череп женщины с редкими ошметками волос на затылке валялся тремя ступеньками ниже, весь покрытый следами зубов. Левая плюсна и кусок берцовой кости, обернутые в остатки лакированного сапога, также послужили кому-то источником питания. Одного взгляда на следы укусов Артуру хватило, чтобы опознать собачьи зубы.

Или ему почудилось, или роль сыграли натянутые до предела нервы. Где-то вдали, сквозь бесконечное «шит-та», прозвучали легкие шаги. Коваль резко обернулся.

Никого. Полутемный коридор, ряд прямоугольников света, падающих на противоположную стену из покрашенных окон. Анфилада душных, пустынных залов. Артур вдруг обратил внимание, что на окнах отсутствуют тяжелые бархатные портьеры, гордость директорского этажа. Действительно, в левом крыле второго этажа размещалось начальство, и погром носил тут более утонченные, причудливые формы. Грабители не тронули стойки с видеоаппаратурой, но скатали и унесли ковровые дорожки. На плоском экране огромного японского телевизора в кабинете зама по науке кто-то оставил пальцем еле заметную надпись. Более свежие слои пыли почти скрыли послание, и Артур прошел бы мимо, если бы не остановился заглянуть в вывернутый из стены сейф. Дверцу, очевидно, выдернули «с мясом», а потом опять захлопнули. На дне сейфа лежало несколько банковских пачек по пятьсот и тысяче рублей. Здесь, в закрытом стальном ящике, не было сырости, крыс и насекомых, и банкноты сохранились прекрасно. Двадцать лет, ошарашенно повторил Артур, или десять, или пять. Он вскрыл верхнюю пачку. Пальцы дрожали. В тот момент, когда он рвал бумагу, ему снова почудился посторонний звук, гораздо ближе.словно легкий топоток двухлетнего ребенка по толстому ковру...

Он замер, затем резко оглянулся. Нет, ничего. Легкое облачко пыли. Шит-та, шит-та, шит-та...

Самая свежая купюра была датирована две тысячи двадцать шестым годом. Нет, что-то здесь не то! Коваль присмотрелся к деньгам внимательнее. Да, в «его время» пятисотрублевка выглядела несколько иначе. Добавились две горизонтальные полоски, на просвет профиль Петра чередовался с двуглавым орлом, и, кроме того, деньги стали заметно крупнее. Если купюра выпущена всего год назад, сказал себе Артур, то это означает, что институт покинут совсем недавно. Но мертвецы явно пролежали в подвале не год, а гораздо дольше! И одежда успела развалиться, и ни следа запаха. А пыль, а пауки? Да в жизни, даже за три года, неросло бы столько грязи! Он выпустил пачку из рук, деньги веером разлетелись по кабинету.

Может быть, он перележал, переспал лишнего в капсуле? Нет, это невозможно, аппаратура совсем недавно убедительно продемонстрировала, что программа прошла без малейшего сбоя. Ему даже не понадобился дежурный инженер, чтобы самостоятельно покинуть лежанку. Артур поднял глаза от сейфа к настенному телевизору и тут рассмотрел на сером экране остатки каракулей.

Неведомый писатель оставил надпись на немецком языке. Артура приятно удивило, что, оказывается, он понимает немецкий. «Где кончается философия, там начинается биология».

Занятные интеллектуальные потуги для того, кто грабит сейфы! Артур уже шагнул в холл, туда, где раньше заметил второй труп, но внезапно его пронзила самая противная за сегодняшний вечер мысль. Три мертвых тела внизу – это крайне неприятно. Здесь еще два, к тому же после смерти обглоданные собакой или волком. Скорее, собакой... Но нетронутые грабителями десятки тысяч рублей – это гораздо серьезнее десятка трупов. Если людям стали по какой-то причине безразличны деньги, это...

Напрашивающийся вывод обещал лишить его остатков рассудка. Лучше пока заняться чем-то более конкретным.

Второй безголовый труп принадлежал мужчине и находился примерно в таком же состоянии, что и женский. Человек, когда его застигла смерть, сидел, непринужденно развалившись в кресле, в холле перед кабинетом одного из заков. Он так и умер, положив ногу на ногу. У несчастного отсутствовали обе кисти. Оставляя после себя в пыли рифленные следы, Артур подошел к мертвецу и потихоньку опустился на корточки. Возле левой ноги лежало что-то блестящее. Не сводя глаз с мумии, Коваль потянул на себя пластмассовый предмет, похожий на узкую клетку для яиц или на ячеистую внутренность конфетной коробки. Из десяти ячеек семь были свободны, а в трех покоились полные ампулы с мутной жидкостью внутри. Артур перевернул упаковку, сдул приставшие к пластику пылинки. Значительная часть этикетки отсутствовала; то, что ему удалось прочитать, не добавило ясности. «Вакцина № 3/1. Препарат комбинированного... активен против штаммов... блокирует синтез... Режим дозирования: 4 раза в сутки...»

Так. Шприц-тюбик у охранника в подвале, у тетki на лестнице, а у этого кадра целая батарея ампул. Очень похоже, что все они страдали и умерли от одной и той же болячки. То ли не сумели вовремя принять лекарство, то ли вакцина № 3 перестала действовать?

Добравшись до третьего этажа, Артур был вынужден присесть на подоконник, чтобы немножко перевести дух. Он не помнил наверняка, но вряд ли на тридцать первом году жизни страдал одышкой и аритмией. Путешествие по мертвому институту его доконало. Очевидно, двадцать лет в капсуле не прошли даром. Организм наверняка нуждался в поддерживающей терапии, в укрепляющих лекарствах. Если бы он мог хоть что-то вспомнить из этой области! Внешне мускулатура выглядела прекрасно, но с каждым шагом он все больше слабел. Хотя Коваль и помнил, где оставил лом, на то, чтобы вскрыть парадный вход, сил ему не хватит. Нечего и думать. Придется уходить через окно. Напротив окон курилки раньше находилась крохотная площадка пожарной лестницы, по ней можно было бы спуститься во двор. Как же найти нужный кабинет? По-стариковски кряхтя, Артур поднялся и зашаркал по коридору.

За четвертой дверью справа ему встретилось окно без решеток и краски, правда, невероятно грязное. Но за потеками грязи просматривалась сварная трубчатая конструкция, а дальше – до боли знакомый облезлый колодец двора. Рамные шпингалеты буквально вросли в древесину. Артур пересек пустую курилку, подергал ставни. Придется разбить стекло. Ничего подходящего под рукой не валялось, кроме пластов штукатурки, насквозь проросшей грибом.

Снова этот шелестящий звук, еле уловимое царапанье, буквально рядом, за стенкой. Точно двое или трое маленьких детей пробежали на цыпочках по лакированному паркету. Маленькие дети или... большие собаки. Артур заозирался в поисках оружия. Дверь в коридор оставалась распахнутой. Ему почудилось или там действительно промелькнула тень? Дикое животное на третьем этаже закрытого учреждения, практически в центре Петербурга, возможно, подверженное бешенству. Нормальная собака не станет кидаться на людей, даже мертвых. Совершенно невероятно, но не более невероятно, чем открытый сейф с деньгами.

Его мечущийся взгляд упал на лопнувшую батарею отопления. Лед, взломавший когда-то чугун изнутри, давно превратился в воду, вытек и испарился. Под весом батареи дюймовая труба, уходящая в потолок, оторвалась и болталась в проржавевшей насквозь муфте. Коваль схватился за трубу обеими руками, приготовился рвануть, но усилий не понадобилось. Желе-

зяка отвалилась неожиданно легко, и Артур сразу почувствовал себя увереннее. Не винтовка, конечно, но и на том спасибо. Теперь он мог разбить стекло, не опасаясь пораниться. Коваль поднял трубу над головой, замахнулся, но в последний момент что-то его удержало от удара. Он не позволит пустым страхам взять над собой верх! Если он сейчас, в собственном институте, где проработал не менее пяти лет, боится выйти из курилки, то что он будет делать дальше, на улицах?

Шит-та, шит-та, шит-та...

Ни звука человеческого голоса, ни гудков машин, ни малейшего намека на город с четырехмиллионным населением, только надоедливый шепот таинственного агрегата за окном. Коваль перехватил трубу крепче, выставив впереди тяжелый зазубренный конец, и, выдохнув, шагнул в коридор.

В коридоре его поджидала лысая собака.

Артур остановился, точно лбом налетел на невидимое препятствие. Он не испытывал страха перед меньшими братьями, но подобную тварь даже представить было непросто. Пес воплощал худшие сны наркомана. Очень отдаленно, толстыми подушками лап, он напоминал добермана, но голова скорее принадлежала неблизкому родственнику колли. Но не отсутствие породы вызывало дрожь, и даже не то, что зверь разгуливал по закрытому «ящику». В конце концов, вахтеры вечно подкармливали дворняг. Артур внутренне усмехнулся, точно наблюдая себя со стороны. Его мозг, защищаясь от безумия, мерил действительность категориями нормального мира. Но ничего нормального в мире за двадцать лет, похоже, не осталось. На собаке практически не росла шерсть; морщинистую, почти черную кожу покрывал слой коросты. На Ковалья смотрели пронзительно-голубые глаза.

Пес переступил с лапы на лапу и издал короткое ворчание. В холке зверь едва достигал половины метра, и Артур уже прикидывал, что легко сумеет отогнать большое животное, тем более что бешенством здесь и не пахло. Но в эту секунду пес сделал неуловимое движение и мгновенно очутился на два метра ближе. Артур даже не успел сообразить, как это получилось; наверное, он сморгнул или случайно отвлекся. Теперь со зверем их разделяло не более семи метров усеянного мусором коридора. Было в собаке еще что-то неправильное, но в полумраке Артур никак не мог разглядеть, что именно ему не нравится.

Следующий прыжок он почти успел засечь. Артуру почудилось еле заметное движение за спиной; еще не начав оборачиваться, он отметил, как вздулись мышцы на лапах собаки. Он осознал ошибку слишком поздно, его внимание каким-то образом отвлекли.

Черт, ему внушили, что позади кто-то есть! Позади никого не оказалось – пустой коридор и три закрытые двери. Но лысый пес приблизился еще на два метра и снова застыл, как изваяние. Теперь на его облезлую морду падал свет из окна, и Коваль разглядел так раздражавшую его деталь. Под торчащими подвижными ушами животного раздувались влажные жаберные щели.

– Хорошая собачка, – одобрительно пробурчал Артур, делая мелкий шагок назад, по направлению к курилке. – Просто замечательная собачка. Теперь слушай меня, кусок шланга! – Он попытался взять угрожающий тон, но осипшие голосовые связки предательски срывались на фальцет. – Если заеду по зубам патрубок, мало не покажется!..

Он не задумывался, слышит его лысая тварь или нет. Вполне вероятно, что где-то водятся собачки с голубыми глазами, но не с жабрами! Артур вдруг совершенно отчетливо понял, что, если эта пакость на него сейчас бросится, он вряд ли сумеет отбиться даже с трубой в руках, слишком уж она шустрая. Действия собаки чем-то напоминали поведение удава. Две льдинки, не моргая, уставились в глаза человеку. Коваль почувствовал, как крупные капли пота стекают по вискам. Псина гипнотизировала его, совершенно очевидно она ждала, чтобы он на долю мгновения ослабил внимание. Артур, не прекращая буравить противника взглядом, сделал еще

шажок к спасительной двери. Теперь ему оставалось запрыгнуть внутрь и запереться изнутри. А потом он разобьет окно и спустится во двор, спустится, даже если лестница давно сгнила!

Его спасла от опрометчивого поступка вторая собака. Много позже он будет заново переживать свой первый день и будет поражаться, как ему крупно повезло и каким чудом было то, что он не повернулся в тот момент спиной. Вторая собака походила на первую примерно как потомственный борец сумо похож на гимнастку. У нее тоже присутствовали четыре конечности и голубые глаза. На этом сходство заканчивалось. Свою широкую пасть пес не мог закрыть по определению: мешал тройной ряд зубов. Верхние клыки росли один над другим, заканчиваясь ниже обвислых брылей. Возможно, прабабка ходячего кошмара согрешила с мастиффом. Так же, как и первый, пес не страдал от наличия жабер и отсутствия шерсти, но вдобавок располагал кожистыми перепонками на коротких кривых лапах. Рыхлой комплекцией зверь отдаленно напоминал бассет-хаунда, если возможно представить бассета с телом полутораметровой длины. Наверное, из-за неудачного телосложения ему было так трудно преодолевать ступеньки. Собака, высунув язык, вырулила с лестничной клетки и коротким тявканьем дала о себе знать товарищу. Или спросила, почему товарищ до сих пор не позавтракал этим сероголовым бритым придурком. Коваль понятия не имел, что означает тявканье, но готов был дать голову на отсечение, что между псами на короткое время возникло бурное общение. Правнук колли молча повернулся к собрату и молча смотрел на него секунды две...

Морок рассеялся. Артуру хватило времени, чтобы задом пересечь порог и захлопнуть дверь.

Коваль упер один конец трубы под дверную ручку, а другой, острый, с силой загнал между разохшимися паркетинами. Затем ноги его подогнулись, и старший научный сотрудник плюхнулся на пол, прижимая дверь спиной. Но курительную комнату никто не пытался взять штурмом. За тонким слоем пластика стояла полная тишина. Артур проверил, крепко ли держится импровизированный запор, затем, пошатываясь, добрался до окна. По пути он поднял с пола кусок штукатурки.

Грохот от разлетающихся осколков его оглушил. Артур расчистил перчаткой подоконник и вылез на карниз. Теплый и удивительно свежий воздух ворвался в легкие. Слишком свежий для Петроградской стороны, невесело констатировал он, пробуя на крепость пожарную лестницу. Надо же, он вспомнил, где находится институт! Осталось вспомнить, где он сам живет, точнее, жил. Артур потерял уже второе средство самообороны, но о том, чтобы вернуться в комнату и забрать трубу, не могло идти и речи. Скорее он кинется вниз, чем опять повстречается с этой сухопутной акулой!

4. Город лысых псов

Двор почти не изменился. Такой же узкий мрачноватый колодец, пирамида нераспакованных ящиков на асфальте, неприветливые окна второго корпуса напротив. Артур подвигал пальцами, разгоняя кровь, и решительно начал спускаться. Насколько ему смутно припоминалось, из двора на улицу можно было выбраться двумя способами. Либо преодолеть двойные ворота в грузовой подворотне с натянутой поверх кольев колючей проволокой, либо через второй корпус. Уже на уровне второго этажа он увидел, что черный вход во второй корпус стоит распахнутый, и внутри – хоть глаз выколи. Нет, сказал он, только не это. Все что угодно, но в здание он больше не войдет. Хотя собаки ведь могли поджидать его и на улице!

Он чуть не заплакал от безысходности. На уровне трех метров от земли лестница обрывалась, дальше предстояло прыгать. Коваль помедлил, прислушиваясь, жадно вбирая ноздрями немыслимо чистый воздух. Стояло лето, тополиный летний вечер, градусов двадцать тепла. Пух залетал откуда-то сверху, кружился сказочными водоворотами над крышей, оседал невесомыми сугробами на карнизах. В голубом квадрате неба черными точками мелькали птицы. Артур задрал голову и увидел то, что производило такой странный шум.

Шит-та, шит-та...

Над крышей второго корпуса, видимо в следующем проходном дворе, неторопливо махали лопастями четыре ветряные мельницы. Еще две завалились набок, потеряв лопасти. Определенно, такие новшества Артур бы запомнил, стало быть, ветряки установили уже после его «погружения». Очень возможно, подумал он, эти трехлопастные гиганты спасли его жизнь. Откуда взялась энергия для отвода реагента в капсуле, для поднятия температуры? Для запуска программы мышечной стимуляции, вентиляции легких и еще множества тонких операций, обеспечивающих выход из анабиоза? Дизель, предназначенный для дубляжа подстанции, в случае перебоев с током наверняка давным-давно выработал запас топлива. И вот Коваль спасен и висит на последней перекладине лестницы, боясь спрыгнуть на асфальт, потому что там его могут подкараулить лысые собаки. Вместо цветов и оркестра.

Ему сразу понадобится оружие. Артур осмотрелся и приметил, как ему показалось, подходящую вещицу. Возле открытого канализационного колодца валялся кусок оконной решетки – три заостренных прута, прихваченные сваркой к закругляющемуся фрагменту узора. Вполне приличные прутья, почти не ржавые. Он разжал руки и полетел вниз. От хлопка его падения по двору пронеслось протяжное звонкое эхо, но никто не выскочил ни из люка, ни из дверей соседнего корпуса. Морщась от боли в пятке, Артур заковылял к своему новому оружию. Два метровых прутка отделились легко; он подумал и взял оба с собой. Очевидно, до погружения в сон он не только занимался иностранными языками, но отличался завидной бережливостью, потому что моток проволоки, на которой поднимал из подвала лом, Артур сохранил в кармане комбинезона. Кусок провода он повесил через плечо и закрепил один прут за спиной, соорудив подобие ножен.

Теперь он был готов к выходу в город. Но перед тем как направиться к воротам, он зачем-то подошел к открытому люку и заглянул внутрь. Артур не смог бы объяснить, какая муха его укусила, – ну люк и люк. Так нет ведь, поперся. Гораздо позже он научился всем своим внезапным порывам находить объяснения: очевидно, в минуты крайней опасности активизировались какие-то подспудные чувствительные центры в мозгу. Если бы не эти озарения, не дожить бы до следующего утра!

В люке, вверх ногами, застрял человек. Артур отшатнулся: по ботинкам трупа ползала крыса. Первым позывом было немедленно повернуться и бежать к воротам, но он себя пересилил. Потому что это был свежий труп. Относительно свежий; возможно, мужик провисел вверх ногами в люке дня два, но никак не годы. И умер он явно не из-за отсутствия вакцины.

На человеке был надет серый костюм военного покроя, вроде полевой милицейской формы, вполне привычная офицерская портупея, брюки заправлены в высокие шнурованные ботинки.

В спине убитого Коваль насчитал четыре дырки, скорее всего, от пуль. Провалиться дальше, в шахту люка, телу мешал торчащий из глубины вентиль. Лица убитого Артур рассмотреть не мог. Физиономию мертвеца закрывал противогаз, плотно схваченный ремнями на русом затылке. Тело уже начинало разлагаться, живот мертвеца вздулся, но, как ни странно, не наблюдалось и следа от крысиных или собачьих зубов. Зато с портупеи свешивались сразу две кобуры. Одна пустовала, зато в прорези другой Артур совершенно четко видел рукоятку пистолета.

Такой возможности могло больше не представиться. Коваль еще раз внимательно осмотрелся, прут положил рядом, сам опустился на живот. В глубине колодца, в метре от висящей головы мертвеца, вильнула хвостом крыса. Почему же они все-таки его не едят? Чтобы не было так страшно, Артур пытался отвлекать себя всякими глупыми вопросами. Черт, как далеко, не дотянуться! Он задрал голову над потрескавшимся асфальтом – показалось, что в спину уперся недобрый остановившийся взгляд. Мигом перекатился на спину, держа перед собой заостренный конец прута.

Никого. Слепые, серые от копоти окна безразлично окружали пространство двора. Артур успокоил дыхание и вытащил тело из люка почти до пояса. Потом свалился рядом, обливаясь потом и чувствуя, как в животе назревает новый спазм.

Затем он поднял глаза и увидел перед собой лысых псов. Сразу троих. Эти здорово отличались от предыдущих, были гораздо тщедушнее, но излишним миролюбием явно не страдали. Псы разделились и наступали на Артура сразу с трех сторон. Три пары голубых глаз на голых, пятнистых, как у гиен, мордах. Центральной, очевидно, командовал в стае, с большой натяжкой его можно было принять за бульдога, если бы не широкий и плоский, как у выдры, хвост.

Не смотреть им в глаза, главное – не смотреть! Артур расстегнул кобуру на боку мертвеца и достал тяжелый пистолет. Ощувив в ладони рифленый пластик рукоятки, он почти сразу вспомнил, как стрелял на военной кафедре института. Боже, как это было давно! На собак оружие произвело ошеломляющее действие. Артур даже не успел сообразить, как снять пистолет с предохранителя, а псов словно ветром сдуло. С ума сойти, проклятые твари понимали, что именно человек держал в руках и какую угрозу им это несло...

Коваль слегка повеселел, он даже не успел в этот раз толком испугаться. Осмотрел пистолет; на ладони лежал не привычный армейский «макаров», а какая-то неизвестная импортная модель, возможно, выпущенная гораздо позже седьмого года. Полный магазин на четырнадцать патронов, еще один запасной в кармашке кобуры. Морщась от отвращения, Коваль расстегнул на убитом портупею. Работать приходилось вслепую, постоянно обшаривая глазами двор. Лысые гады могли вернуться с подкреплением, но без портупеи некуда сунуть оружие. Перепоясавшись, он хотел уже подняться с колен, но тут заметил в глубине колодца рюкзак. Несколько секунд Артур боролся с желанием плюнуть на все и спешно смыться. Он несколько не сомневался, что за ним наблюдают. Псы притаились за пирамидой ящиков, сваленных в дальнем конце двора. Спускаться в люк рядом с трупом было равносильно самоубийству, а чтобы дотянуться рукой до кожаных лямок, не хватало каких-то тридцати сантиметров. Наконец он придумал. Засунул конец железного прута в канавку люка и соорудил что-то вроде крючка. Затем, одной рукой поводя из стороны в сторону пистолетом, опустил крюк в яму.

Рюкзак весил килограммов десять, не меньше. Как и хозяина, его не тронули зубы хищников. От поклажи мертвеца исходила слабая, но устойчивая горьковатая вонь. Артур принялся и обнаружил, что точно так же пахли брюки убитого и портупея, которую он реквизировал. Это меньше всего походило на запах гниющей плоти, скорее создавалось впечатление, что вещи пропитаны специальным составом. Артур решил, что исследует содержимое находки

попозже. Пусть даже там окажется кусок другого трупа – оставаться здесь он больше не мог. Обитатели подвалов ждали случая, чтобы напасть.

Еще не дойдя до ворот, Артур понял, как сюда попал малый в противогазе. Оба гидравлических привода отсутствовали, створки свободно покачивались на сквозняке. Видимо, парень забежал во двор по глупости, спасаясь от погони, заметался в четырех стенах и не нашел ничего лучшего, как спрятаться в люке. Тут его и застрелили. В спину. Ковалья передернуло. Что происходит в Питере, черт возьми?

Действительность превзошла самые кошмарные прогнозы. Жители покинули город...

Скрепя сердце Артур вынужден был признать очевидный факт: даже за двадцать лет асфальт бы не сдался под натиском зелени. Что-то произошло со временем. Или с капсулой. Узкий переулок, обсаженный редкими тополями, превратился в неухоженную лесную просеку. Асфальт вздыбился, раскрошился на куски, порой Артуру приходилось искать место, куда поставить ногу. Под лопнувшим уличным покрытием змеились корни деревьев, кое-где образовались каверны глубиной в несколько метров, отовсюду лезла трава, достигавшая метровой высоты. Тополя, осины, ели, даже клены и дубы сплетались в вышине, загораживая небо. Деревья прорвали линии электропередачи, лезли ветвями в разбитые окна. Артур заметил бетонный столб, вырванный из земли и повисший на проводах как нелепое украшение могучего тополя.

Этот парень в люке... Если несчастье, поразившее людей внутри института, случилось так давно, почему убитый разгуливал в противогазе? Неужели зараза жива до сих пор?

Коваль, сжимая в руке пистолет, пробирался вдоль стены здания, тут ему казалось спокойнее. Метров через двести, он знал, переулок свернет направо, а там рукой подать до Каменноостровского проспекта. В тенистой листве голосили птицы. Артуру показалось, что в траве промелькнуло мелкое животное, возможно, кошка, или, чем черт не шутит, заяц. Один раз он совершенно отчетливо расслышал в ветвях заунывное мяуканье, но кошка к нему не спустилась. Другой раз, он мог поручиться, из чащи прозвучало козлиное блеяние.

За поворотом он опять вдаль увидел псов, штук восемь. Судя по всему, стая охотилась, но явно не на него, или преследовала какое-то крупное животное. Издалека слышался яростный лай, затем все стихло. Здания дореволюционной постройки, вдоль которых он брел до сих пор, кое-как держались, но открывшийся за поворотом вид заставил Ковалья охнуть. Вдоль бывшего теперь Каменноостровского парковалось когда-то множество автомобилей. Теперь от них остались, в лучшем случае, истончившиеся ржавые скелеты. На проезжей части кое-где сохранялась разметка, но мостовую во всех направлениях пересекали глубокие трещины, заросшие диким кустарником. Большинство новых домов на противоположной стороне проспекта частично обрушилось, первые этажи зияли провалами разбитых витрин. У семиэтажной стеклянной призмы выпала на тротуар вся фасадная стена, обнажив торчащие пеньки перекрытий. Тысячи ласточек сновали сквозь бесчисленные щели в стенах. У многих зданий проломились крыши, и через окна верхних этажей Коваль различал нежное вечернее небо. Впереди, метра на три над землей, вертикально вздыбился обломок бетонной лестницы с перилами. Артур постоял минуту над жерлом облицованного мрамором тоннеля.

«Метрополитен. Станция «Австрийская площадь». Половина букв с гранитной стенки осыпалась. Любопытно, при нем эту станцию еще не построили. Очевидно, совершенно новая ветка, по которой он почти наверняка никогда уже не проедет. Возле ступеней Коваль наткнулся на полустершуюся металлическую табличку: «Внимание! Зона карантина! Проход только по пропускам!»

После станции метро он прошел мимо двух роскошных магазинов. То есть они давно не могли называться роскошными, но отголоски былого величия сохранились. Продуктовый супермаркет, весь в зеркалах, был буквально вывернут наизнанку, точно внутри потопталось стадо слонов. Зато следующий магазин напомнил Ковалю пыльные купюры из сейфа инсти-

тута. Артур стоял перед ювелирной лавкой. От уличных стеклянных витрин ровным счетом ничего не осталось, зато в глубине помещения, на прилавках, аккуратными рядками поблескивал благородный металл. Он намеревался зайти внутрь, как вдруг обострившееся чувство опасности заставило его обернуться.

Дорогу перебегала огромная серая кошка, держащая в пасти только что убитого, еще трепыхавшегося голубя. А возможно, это была совсем и не кошка: разве у кошек торчат наружу нижние клыки, как у кабанов? Как ни странно, голубь напомнил Артуру о еде. Он чувствовал, что восприятие потихоньку притупляется или измученный мозг, защищаясь, возводит своеобразную преграду между сознанием и внешним миром. Артур зашел в ювелирный и расстегнул молнию на дурно пахнущем рюкзаке.

В обоих отделениях не встретилось ничего протухшего. Несколько кусков вяленого мяса, кулек с окаменевшим обломком сероватого сахара, огромная телефонная трубка, похожая на первые изыски «Форы». Фляга с водой, порядочный кусок хлеба, пузырек с маслянистой желтоватой жидкостью внутри и самое тяжелое – железный ящичек. Первым делом Артур впился зубами в хлеб и не мог остановиться, пока не сожрал половину краюхи. Вода во фляге обладала потрясающим вкусом... Совершенно точно, что не водопроводная.

Ужиная, он не прекращал следить за обстановкой на улице. Один раз в дебрях кустарника скользнуло что-то черное, но Коваль не успел разглядеть. Ему крупно повезло проснуться не лютной зимой, а в период белых ночей. Но ночь, пусть и белую, проводить под открытым небом недопустимо. Ему необходимо найти убежище. Он заметил, что начал рассуждать, как заправский индеец. И с едой он поступил соответственно, половину хлеба и мясо оставил на потом. Артур решил, что дойдет до Невы, и если никого не встретит, то придется срочно определяться с ночлегом. Убирая остатки ужина, он замер с протянутой рукой. Издалека донесся тоскливый, леденящий кровь вой.

Да, нужно срочно найти ночлег...

Коваль вскрыл плотно притертую крышку стеклянного флакончика, и в нос тут же ударила многократно усиленная волна того самого горького запаха, что пропитал все вещи. Возможно, это лекарство или средство от насекомых, выкидывать не стоит. Железный ящичек оказался на поверку термосом. Внутри корпуса находилась колба с широким горлом, а внутри нее, переложенные тряпочками, стояли плотно закупоренные пробирки. Температура в термосе давно выровнялась с температурой снаружи, и содержимое пробирок, вне сомнения, испортилось, но, следуя странному наитию, Артур закрыл термос и снова сунул его в рюкзак.

Метров через пятьдесят, там, где раньше располагалась резиденция «Ленфильма», он наткнулся на баррикаду. Причем не самодельную, а построенную по всем правилам военного искусства. Проспект перегораживали грамотно уложенные противотанковые ежи, дальше в несколько рядов тянулись разные виды колючей проволоки, мешки с песком, над которыми прищурились бойницами долговременные огневые точки. Четыре дота были построены на славу, из подручных материалов, но щедро облиты цементом, и походили на торчащие из асфальта серые фурункулы. Сейчас цемент раскрошился, в трещинах росли полевые цветы, порывевшую колючую проволоку разметало ветром. Коваль, тщательно глядя под ноги, поднялся на бруствер из мешков, оглянулся в обе стороны. От кого держали оборону строители баррикады? Ясно лишь одно: ее воздвигли, чтобы не пропустить врага в центр города, на Троцкий мост.

Проспект расстился, словно забытая в лесу взлетная полоса... Ни взорванных танков, ни останков пехоты на подступах к ежам. Спускаясь с верхотуры, Артур заметил на песке множество следов. Некоторые принадлежали собакам, но имелись тут и следы копыт, и даже отпечатки голой ступни человека. За последним дотом он набрел на полностью разложившийся труп лошади под седлом, а дальше лежали четыре собачьих трупа. У двоих псов в лобных костях зияли аккуратные отверстия.

Коваль хотел пройти мимо, но вдруг затормозил. У этих собак с шерстью было все в порядке, и, насколько он разглядел, не наблюдалось никаких отклонений. Он заставил себя подойти вплотную, достал из-за спины прут и потыкал в серую шкуру ближайшего зверя.

– Сдохнуть мне, если ты не волк! – сообщил Артур оскаленной челюсти. – Где же тот, кто тебя пристрелил?

Возможно, стоя взяла человека на лошади в кольцо, он отстреливался, а потом бросил лошадку волкам и бежал пешком? Нет ответа. Артуру последнее открытие совсем не понравилось. Лесные хищники в центре Петроградской стороны; ладно бы еще где-нибудь в новостройках... Начинало смеркаться, солнце закатилось за крыши; он прибавил ходу, держа курс на мечеть. Издалека он различал полосатый шлагбаум и новый ряд песочных укреплений, прямо под минаретами. Над шлагбаумом полоскался на ветру железный щит с белыми выцветшими буквами. Артур изо всех сил напрягал зрение, пытаясь прочесть, что же там написано. Он уже не прятался в тени домов; дважды, прямо на глазах, сверху падали куски лепных украшений и фрагменты водосточных труб. Теперь он выбрал другую тактику – шел прямо по центру проспекта, далеко обходя препятствия, за которыми могли спрятаться собаки или другие хищники.

Надпись на плакате стала вполне различимой. Коваль сложил разрозненные буквы в слова, перечитал снова и снова, не доверяя собственному зрению, и тут его впервые серьезно отвлекли.

5. Чужой среди своих, или О важности огневой подготовки

Зелень возле метро «Горьковская» меньше всего походила на аккуратный садик. По правую руку от Артура переливался всеми оттенками зеленого настоящий бурелом, точно вид с картины Шишкина. Чащоба выползла на проезжую часть, раскроила остатки булыжной мостовой, вырвала из земли рельсы. Но плотную стену леса разрежала выжженная широкая, метров пяти, просека, ведущая к ступеням метрополитена. Видимо, дорожку неоднократно поливали каким-то горючим веществом, чтобы преградить путь растениям, поэтому поверхность земли покрылась толстым слоем золы. Артур обогнул лежащий на боку, проросший шиповником остов автобуса и увидел первых живых людей.

От счастья у него чуть не остановилось сердце. Несколько раз Артур разевал рот, но так и не смог выговорить ни слова. А когда к нему наконец вернулась речь, выяснилось, что люди находятся в серьезной беде. Двое парней, по виду совсем молодые ребята, держали круговую оборону как раз посередине просеки, между облезлой тумбой метрополитена и выходом на проспект. Один из них был ранен и не мог уже стоять на ногах. Привалившись спиной к ноге товарища, парнишка натягивал зубами конец бинта, обмотанный вокруг левого предплечья. В правой руке, уперев ложе в колено, парень держал спортивный арбалет. По левой, разодранной, штанине растекалось темное пятно. Буквально в трех шагах, наспигованные стрелами, подышали три лысые собаки. Еще несколько тварей, прижимаясь к земле, кружили поодаль. Напарник раненого держал друга за шкуру и рывками тянул в сторону станции подземки. Одежду парней составляли грубые брезентовые куртки и такие же штаны, словно скроенные из палаточной ткани. На затылках у обоих болтались на ремнях респираторы. За спиной у стоящего на ногах крест-накрест висел охотничий дробовик с пистолетной рукояткой и длинный тесак в самодельных ножнах, в свободной руке обороняющийся сжимал еще какое-то оружие.

Парочка, несомненно, пыталась пробиться к метро, но путь к ступеням преграждали еще не менее десятка собак. По сравнению со стаей в институтском дворе эти, видимо, гораздо лучше питались в детстве и выросли, как на подбор, до размеров крупной овчарки. Впрочем, с такой внешностью размеры теряли значение. У самого мелкого между лопатками просматривались два позвончика, другого отличала полная асимметрия, словно его слепили из двух разных собак. Один кобель валялся на спине с выжженной в боку дырой, еще один крутился волчком, наматывая на лапы собственные кишки. При этом никто не лаял и не рычал, слышалось лишь шумное дыхание. Парень водил оружием из стороны в сторону, дергая за собой ослабевшего товарища; псы перемещались, не решаясь напасть, но все время сужали кольцо. Либо у оборонявшегося кончились патроны, либо он берег последний, но Артур был уверен, что стрельбу бы он услышал издалека.

Еще минута, и обоим ребятам конец! Артур скинул с плеча лямку рюкзака, проверил в кармане запасную обойму и, не скрываясь, побежал через улицу. Перепрыгивая трещину в асфальте, он заметил на рыхлой сырой земле четкий отпечаток огромной когтистой лапы. Здесь не так давно прошла кошка, скорее всего, из тех кошек, что оглашают ревом африканские саванны. Почти не испытывая удивления, он вспомнил о находящемся поблизости зоопарке.

– Эй! – что было силы завопил Артур. – А ну стой!

Псы, атаковавшие раненого, его услышали и мгновенно обернулись. Глаза ближайшего зверя покрывала белесая пленка катаракты, но шириной грудной клетки он мог бы поспорить с лучшим ротвейлером. Для собак картина боя резко поменялась, четверо из них теперь сами оказались в окружении. В стороны разбежаться они тоже не могли. Загородив зверям выход на проспект, Артур понял, почему обуглившаяся аллея не уступала зарослям жасмина, насе-

дающего с обеих сторон. По обочинам были вкопаны в землю и связаны между собой куски двухметровой железной ограда.

Людей появление подмоги поразило не меньше, чем собак. Артур не ошибся, парни были совсем молодыми, хоть и заросли бородами.

– Ты подземник? – хрипло выкрикнул раненый. Он глядел на Артура округлившимися глазами и, забыв о своей ране, выронил изо рта бинт. – Где твоя маска? Даляр, ты взгляни, он ходит без маски!

Тот, кого звали Даляром, чуть отодвинулся в сторону, и Артур понял, почему он не отвечает и почему не было слышно стрельбы. В зубах бородастый Даляр сжимал длинный узкий кортик, а в свободной руке – сигнальную ракетницу.

– Я не подземник! – покачал головой Коваль. – Как их прогнать?

– Стреляй! – немедленно откликнулся раненый.

– Я могу попасть в вас! Я плохо стреляю! – пожаловался Коваль.

Точно разгадав, о чем он говорит, собаки выстроились на одной линии между людьми. Теперь Коваль действительно не мог стрелять без риска зацепить ребят.

– Сзади! – выкрикнул вдруг раненый.

Артур крутанулся на пятке, и очень вовремя. Длинными плавными прыжками к нему приближались еще две огромные собаки. До первой оставалось не более трех метров, когда он перехватил пистолет обеими руками и трижды выстрелил. Отдача толкнула Артура назад с такой силой, что он споткнулся и упал на одно колено.

С деревьев вспорхнули сотни пернатых, город откликнулся пистолету громоподобным эхом. Первые два выстрела не причинили никому вреда, ствол пистолета сразу же задрался вверх. Но пес уже летел, готовясь вцепиться Ковалю в горло, и сам наткнулся на пулю. Вторая собака передумала атаковать и рывком ушла в сторону, в метровые заросли крапивы.

В ту же секунду четверка окруженных за спиной Артура сделала попытку прорвать кольцо. Они оставили в покое раненого и гуськом понеслись вдоль ограды.

– Убей их! – вопил парень.

Артур, не вставая с колена, повернулся и совсем близко от лица увидел безжалостные голубые глаза и распахнутую розовую пасть. Пуля угодила псу в глотку и отшвырнула его назад, на бегущих следом приятелей. Даляр отпустил воротник раненого, взмахнул кинжалом и одновременно разрядил ракетницу.

Один из лысых мутантов, пронзительно скуля, отлетел к ступеням метро, ракета с шипением воткнулась ему в бок и продолжала гореть, разбрызгивая оранжевые искры. Другие развернулись и бросились бежать, протискиваясь в щель под покосившейся оградой. Раненый опрокинулся на спину, но успел выпустить стрелу, затем аккуратно отложил арбалет в сторону и метнул в убегающих врагов два ножа. И стрела, и ножи достигли своих целей. Отдаленный потомок черного терьера тоненько завизжал, зашатался и рухнул. Стрела пробила ему затылок и вышла под горлом.

Ножи перебили сухожилия на задних лапах следующему беглецу, но он упорно ковылял прямо на Артура. Коваль слышал собственный крик и продолжал давить на спусковой крючок, пока мускулистое черное месиво перед ним не прекратило шевелиться.

Люди выиграли бой. Одиннадцать собак погибло, остальные бежали. Даляр как ни в чем не бывало ходил от одного трупа к другому и при помощи кинжала извлекал ножи и арбалетные стрелы. Раненый парнишка забинтовал наконец руку и занялся прокушенной ногой. Артур устал так, словно целый день разгружал угольную баржу, он мог только сидеть и дышать ртом. Тошнотворный запах паленого мяса забивал ноздри. Даляр закончил собирать стрелы, вернул их напарнику, извлек из подсумка шприцы и трижды уколол его в ногу и руку. Только после этого он обратил внимание на Артура:

– Что у тебя с головой? Ты из Чухни?

– Нет, я местный. Я долго спал... – Коваль впервые осознал, что не сможет внятно объяснить, откуда появился. У него крепло подозрение, что эти люди понятия не имеют об анабиозе. – Я ученый, из института...

– Ученый? – Парни переглянулись. – Ты из южного каравана?

– Нет, я же говорю – я местный. А голова обработана специальным составом, чтобы не росли волосы.

– Где твоя маска? Маска, не понятно? – Даляр тронул ремень респиратора. – Ты что, ковбой?

При этих словах раненый бородач звонко расхохотался:

– Какой из него ковбой! Он стреляет, как мамаша Рубенс. Выпустил двенадцать пуль, и только три в цель. Дружище, у тебя патроны растут на грядке? Кто учил тебя стрелять?

Коваль слегка обалдел от такого напора.

– Ты не подземник, не ковбой и не пришел с караваном! – подытожил Даляр, поигрывая кинжалом. – Ты не из команды губернатора, иначе стрелял бы, прежде чем поднимать крик. И ты не из портовых, те не ходят без клинков. Без маски гуляют заразные или дураки. Лучше тебе оказаться дураком, приятель! Как тебя зовут?

– Вы могли хотя бы сказать спасибо! – запоздало обиделся Коваль. – Меня зовут Артур.

– Извини Даляра, дружище! – вступился раненый. – Он злится, потому что израсходовал на меня всю столбнячную сыворотку. Меня зовут Людовик.

– Много болтаешь! – окрысился Даляр. – Ладно, Лю прав. Спасибо тебе. Дыши! – Он достал из кармана тонкую пачку бумажек, оторвал одну и положил в двух шагах от Коваля. – Ты что, не понял? Дыши!

Артур потянулся за крохотным розовым листочком и только тут заметил, что Людовик вполне серьезно целится ему в лицо из арбалета. Артур поднес листок ко рту, старательно подышал. Ничего не произошло, но парни облегченно вздохнули.

– Порядок! – сказал Даляр. – Ты тоже шел в подземку?

– А эти собаки... – Артур покосился на трупы. – Они могут вернуться?

– Он точно не питерский. – Людовик, опираясь на плечо товарища, поднялся на ноги. – Ты встречал хоть одного местного, кто не знает повадок булей?

Даляр задумчиво покачал головой, не спуская глаз с притихшей улицы:

– Они вернутся, когда уйдешь ты. Були не выносят огнестрельного и портовых клинков. Но если ты собираешься и дальше бродить здесь один, то лучше отдай пистолет мне. Через час появятся летуны и волки, они не боятся пороха.

– Я не хочу тут оставаться! – подскочил Артур. – Возьмите меня с собой, пожалуйста. Возьмите меня к людям.

– Все люди разные! – философски улыбнулся Людовик. – К каким людям ты хочешь попасть?

Теперь они оба выжидающе глядели на Коваля. Артур понял, что, если он сейчас скажет что-то неправильно, как-то неверно себя поведет, парни просто бросят его здесь, наедине с волками. Он зря понадеялся на их благодарность. Точнее, на благодарность он и не рассчитывал, он сломя голову кинулся на помощь, просто потому, что его так воспитали... Кто меня воспитал, спросил он у спящей памяти? Кто мои родители? Нет, с капсулой явно что-то случилось, раз я не могу даже вспомнить, как выглядели самые близкие люди!

– Я хочу попасть к людям, – осторожно произнес Коваль, – которые следуют законам.

– Законом? – усмехнулся Людовик. – Как ты считаешь, Даля, папа Рубенс следует законам? Знаешь, дружище, если у тебя есть чем заплатить подземникам, можешь отправиться с нами к папе, и сам ему задашь вопрос.

– Мне нужно забрать рюкзак!

Артура охватило невыразимое облегчение. Опасаясь, что новые друзья передумают, он чуть ли не бегом вернулся за своей поклажей. Парни ждали его на ступеньках. Если они собираются спуститься в метро, подумал Коваль, то я пас. Пешком топать по тоннелям – ничего страшнее не придумаешь.

– Почему вы зовете Рубенса папой? – спросил Артур.

– Обычно спрашивают, почему папу зовут Рубенс! – скупой улыбнулся Даляр.

Оказалось, что у него тоже имелся багаж, просто во время сражения два длинных баула валялись в стороне. Теперь Людовик не мог нести свою поклажу, и Артур вызвался помочь. Баул был не столько тяжелым, сколько неудобным, и казалось, что набит внутри травой.

– Он папа, потому что папа! – Людовик протянул Ковалю старинный портсигар, заполненный вручную скатанными папиросами. – Там, откуда ты появился, иначе называют людей, способных иметь детей?

– Эээ... Вот я, например, вполне способен иметь детей, но никто не зовет меня папой. – Артур бросил эту вполне невинную фразу, подтягивая лямки вещмешка, и потому не сразу заметил повисшее вокруг тяжелое молчание. Он в испуге поднял глаза. Неужели все-таки сморозил какую-то оскорбительную глупость? Оба попутчика находились в явном замешательстве.

– Откуда ты знаешь, что можешь иметь детей? – К Даляру вернулось обычное недоверие.

– Ну, видишь ли... – Артур замялся. – Так получилось, что моя девушка дважды от меня... беременела.

Ну конечно! Как он мог забыть... Наташка. В мозгу Ковалья словно что-то перевернулось, он скривился, сжав руками виски. Мгновенно все стало на свои места. Он жил с Натальей, на папкиной даче под Сестрорецком, а родители последние два года осваивали новую квартиру на Ржевке. Он вспомнил мать и отца, вспомнил до мельчайших подробностей, как они с папашей закладывали фундамент и как Наталья отказалась жить вместе с его предками... Господи, что с ними со всеми? Где сейчас Наташа?

– Это такая шутка, приятель? – Даляр положил руку на рукоятку кинжала. Артур впервые обратил внимание на холодное оружие своего визави. И кинжал, и внушительный ятаган за спиной Даляра были настоящими произведениями искусства. Затейливая резьба покрывала сталь, на гарде переливались грозди драгоценных камней. – Ты хочешь сказать, что дважды выигрывал маму? Или в вашем городе избыток родящих женщин?

– Это не шутка! – заторопился Артур. – Я все объясню. Просто до того, как я уснул, мы жили вдвоем с моей девушкой...

Вечернюю тишину прорезал далекий рев. Людовик встрепенулся и не дал Артуру закончить фразу. В который раз бородатый весельчак разрядил обстановку:

– Даля, надо спешить! Приятель помог нам, а остальное подождет!

– Ты прав! – Даляр оставался мрачен, но руку с оружия убрал. – Уходим! – Он повернулся и первым направился к пандусу.

Коваль мысленно перекрестился. Чтобы остаться в живых, ему придется теперь взвешивать каждую фразу! А еще предстояло выяснить, какой же идет на самом деле год?

Вместо стеклянных дверей все входы и выходы из метро ошетинились грубой каменной кладкой. Только в одном из проемов вместо камня блестел металл. Даляр первым зашел в узкую нишу, приподнялся на цыпочки, и в руке у него оказался старинный эбонитовый телефон с ручкой и переговорным рожком. Таким аппаратом пользовался еще Ленин в фильме про революцию. Даляр осторожно размотал провод, сделал несколько вращательных движений. Артур глядел, затаив дыхание. Человечество откатилось назад как минимум на сотню лет! Только сейчас он всерьез поверил в происходящее. Из трубки аппарата раздался треск, затем мужской голос отчетливо произнес: «Горьковская».

– Три человека на «Адмиралтейскую», – словно речь шла о вызове такси, отозвался Даляр. – Мы из Эрмитажа.

– Пароль? – скучно спросил голос.

– Минога.

Даляр передал трубку Людовику, скинул рюкзак и, на ходу вытаскивая кинжал, ринулся вниз по ступенькам. Артур напрягся, хватаясь за пистолет, но ничего опасного не предвиделось. Один из тех псов, которых поразил Людовик из арбалета, каким-то чудом выжил и медленно отползал в кусты. Даляр нагнулся и легким движением перерезал собаке горло. Затем не поленился проверить остальных. Коваль снова ощутил тошноту.

– Так обязательно поступать? – тихо спросил он у Людовика, ожидающего у трубки.

– Раненый буль не умирает! – просто ответил бородач, и тут трубка разразилась длинной тирадой. – Хорошо! – ответил кому-то Людовик и вернул телефон в железный ящичек, крепившийся на косяке. – Ждать минут двадцать. Слышишь, Даля?

Налетевший порыв ветра принес запах большой воды. Артур вдруг заметил, что жутко натер ноги в резиновых сапогах. Он ощупал себя и убедился, что пакет с журналом не потерян, а только соскользнул на спину. Людовик присел, вытянул забинтованную ногу и принялся чистить арбалет. Даляр хмуро пытел папироской, быстро скользя глазами по окрестностям. Живых собак не было видно, на каркас лежащего автобуса с громким хлопанием крыльев приземлились два баклана. Где-то вдали раздавалось заунывное мяуканье, но низкий рык больше не повторялся. Артуру показалось, что в густеющей синеве над кронами деревьев кружатся несколько хищных птиц.

– Скажите, – осмелился он, – эта надпись, она давно там висит?

– Какая надпись? – не понял Даляр.

– Вон там, возле мечети. Насчет захоронения.

В который раз он вызвал своим поведением замешательство.

– Ты владеешь письмом? – почти с уважением осведомился Людовик. – Тогда прочти нам.

– Там написано... – Артур откашлялся. Наорался он за последний час, а связки все никак не окрепнут. – Там написано: «Зона строгой изоляции. Захоронение номер шесть. Въезд по пропускам!»

– Это было всегда! – непонятно отозвался Даляр, катая в зубах вонючую папиросу.

– Отчего умерли эти люди? – решил Артур.

– С какого острова ты приплыл, приятель? – Даляр выплюнул окурочек, подхватил с гранитных ступеней вещмешок. За нержавеющей дверью метро кто-то гремел засовами. – Только не говори, что научился читать в лесу!

– Но я и правда не знаю! – взмолился Артур. – Мой папа об этом не рассказывал! – на ходу сочинил он.

Дверь с противным скрежетом поползла вбок. Изнутри ударил поток настоящего электрического света. И в этом волшебном сиянии, словно ангел, преграждающий смертным доступ в рай, стоял огромный мужик с пулеметом Дегтярева наизготовку. Людовик, придерживая кровоточащий локоть, уколол ухо Ковалья усами:

– Все люди передохли от болезни СПИД, дружище! И если на твоём острове не знают, что это такое, да еще и раздают девок, клянусь мамой Рубенс, я хоть завтра отправлюсь туда!

6. Пленник Эрмитажа

В вестибюле станции, кроме волосатого громилы с пулеметом, Коваль, впервые с момента пробуждения, встретил женщину. Оба сотрудника подземки одевались так, словно готовился авангардный показ мод. Но если амбал просто ограничился потертым лисьим полушубком и расклешенными штанами из портьерного бархата, то на женщине под меховой накидкой поблескивало атласное платье, а голову венчал восточный головной убор с остатками роскошного плюмажа. Они разбирают одежду из музеев, вскользь подумал Коваль. У женщины было простое круглое лицо и почти не портящие ее тяжелые очки с бифокальными линзами. В руках она держала внушительный грессбух.

– Проездные предъявлять в открытом виде! – Громила добродушно ощерился, указывая на табличку со знакомым текстом, висящую над останками турникетов.

Людовик открыл подсумок и передал женщине несколько мелких предметов; та ссыпала их в металлический ящик с петлями, затем навесила на петли замок и сделала запись в журнале. Тут оба подземника разглядели лысую голову Артура и удивленно замерли.

– Он без маски! – пророкотал великан. – Даляр, вам надоело жить?

– Я его проверил, он чист, – парировал бородатый.

– Чем заплатишь, красавчик? – деловито осведомилась женщина, занеся над грессбухом перьевую ручку.

Коваль нерешительно открыл рюкзак и показал содержимое. Людовик присвистнул, Даляр поболтал на свету пузырек с вонючей жидкостью и покачал головой.

– Ты прикончил кого-то из людей губернатора? – очень спокойно поинтересовался громила с пулеметом. Артур обратил внимание, что у мужика не хватало трех пальцев на правой руке. – Ладно, мазь меня устроит. Пошли!

– Зато нас не устроит, – холодно сказал Даляр. – Запиши на него трудодни.

Подземники переглянулись.

– Нам все равно, – хмыкнула женщина. – Но мы его не знаем. Я запишу трудодни на тебя.

– Годится! – кивнул Даляр и опустил пузырек к себе в карман.

После чего великан снял с плеча пулемет и вернул железную дверь на место. Женщина подняла свой переносной сейф и исчезла в боковом проходе, там, где еще читались полустершиеся буквы: «Линейный отдел милиции».

– Вперед, – сказал подземник и первым шагнул в наклонную шахту.

В эту секунду Ковалю стало ясно, куда девались лампочки из института. Одна свисала на длинном шнуре, освещая круглый зал станции, другая неярко горела примерно посередине шахты, следующая угадывалась внизу, в вестибюле.

Они спустились пешком, на замершем эскалаторе кое-где не хватало ступенек. В нижнем вестибюле Артур понял, зачем подземники напяливали на себя мех. Если наверху гостило лето, то на станции не выветривался промозглый застоявшийся холод. Свет одинокой лампы не достигал жерла тоннеля, почти на уровне рельсов плескалась маслянистая вода. Сквозь бурый налет лишайников на осыпающемся кафеле угадывался веселый рекламный щит: сочная блондинка приглашала посетить турецкие курорты. Мужик с пулеметом не делал попыток спуститься в тоннель, остальные тоже чего-то ждали.

И дождались. Сначала раздался стук, потом из мрака, лязгая и скрипя, выкатилась платформа поезда, без стен и крыши, зато с двумя рядами сидений и прилично сохранившейся кабиной машиниста. За сиденьями, в сетчатом коробе, оглушительно ревел дизельный движок. Водитель дрезины, всклокоченный рыжий субъект в тулупе, лихо затормозил напротив группы новых пассажиров. Кроме него на платформе кутались в меха еще четверо. Их лиц Коваль так и не сумел разглядеть.

Путешествие в подземке он запомнил, как сплошную пляску зубов. Когда дрезина разогналась под горку, передние фары достаточно разгорелись, освещая бесконечные лужи и струящиеся по бетонным сводам ручейки. В самом глубоком месте дрезина выскочила на ярко освещенный пятачок. Коваль успел заметить десятка два рабочих, копошащихся возле насоса. Другие закидывали лопатами цемент в бетономешалку. Говорить не было никакой возможности, в узком пространстве тоннеля рев двигателя заглушал все звуки, от запаха солянки слезились глаза, но, когда дрезина вылетела к платформе «Невского проспекта», Артур решился задать вопрос:

– Зачем они цементируют стыки? Это же бесполезно. Под давлением породы кольца расходятся, потому что проржавела арматура!

– Если подземники перестанут затыкать дыры, их зальет водой! – пожал плечами Даляр. – Ты можешь предложить что-то поумнее?

– Следовало бы сначала укрепить кольца, – осторожно настаивал Артур. – Можно было бы изнутри вбить клинья, а затем наварить жесткую конструкцию... То есть, я хотел сказать, если, конечно, имеется сварочный аппарат...

– Сварка у нас есть, – отозвался вдруг рыжий машинист. – Но сейчас нет никого, кто умеет работать с газом. А ты что, инженер? Ты справишься с аргоном?

Все пассажиры вагона прекратили курить и разом уставились на Коваль. Он почувствовал себя крайне неуютно, черт его потянул за язык! Дрезина неподвижно зависла посреди полутемных аркад «Невского проспекта», дизель постукивал на малых оборотах. Двое мужчин вышли, обменявшись рукопожатием с водителем, зато добавилось сразу четверо вооруженных до зубов парней, и с ними маленькая женская фигурка, с головы до ног закутанная в меха. Машинист не трогал с места, очевидно, ждал кого-то еще.

– Да, я инженер! – ответил Коваль, гадая про себя, хорошо это или плохо. – И думаю, что сумел бы запустить аргоновый аппарат. Но не в одиночку, конечно...

– Даляр, твой приятель москвич? – почтительно осведомился машинист. От волнения он даже вспотел, на чумазом лице сверкали зубы и слезящиеся белки глаз. – Дружище, я не поверю, что ты музейщик. Даляр, давай я отвезу его к полковнику, и если он не врет насчет сварки...

– Парнишка, если ты инженер, так, может, и моторы перематывать умеешь? – обернулся к Артуру другой подземник, из тех, что сели на дрезину раньше его, – кряжистый мужик, закутанный в облезлый тулуп.

Артур чуть не ответил, что для замены обмотки совершенно не требуется инженерное образование, но тут Людовик довольно сильно пихнул его в бок.

– Он едет с нами к папе Рубенсу! – пресекая дальнейшие расспросы, отрубил Даляр. – Если полковник захочет получить инженера, пусть сначала договорится о цене!

Подземники не стали возражать. Артур потихоньку пришел к двум любопытным выводам. Во-первых, он научился отличать служащих метро от пассажиров. Абсолютно все, кто работал внизу, одевались в мех, невзирая на лето. Иначе, видимо, сырость и холод, а также полное отсутствие вентиляции легко приводили человека к простудам и ревматизму. А во-вторых, Артур почувствовал, что его не особо глубокие, базовые знания могут сослужить неплохую службу, возможно, даже сделать его большой шишкой... Из полумрака на перрон вышли еще трое пассажиров, одетых точно так же, как мертвец, с которого Коваль снял портупею. Сердце екнуло у него в груди, но мужчины не обратили на соседей ни малейшего внимания, уселись впереди и разом задымили. Дрезина тронулась с места. Перед погружением в тоннель в самом конце станции на проволочной растяжке висели сразу два мигающих фонаря. Под фонарями на мраморной стене Коваль прочел крупные буквы, отпечатанные трафаретом: «Нахождение в метро без средств индивидуальной защиты карается смертью! Военный комендант...»

Метров через триста водитель виртуозно притормозил прямо напротив очередной лампы, снял с петли на стене телефонную трубку:

– Диспетчер? Это шестой экспресс. Я на Невском, ухожу по кольцу на «Адмиралтейскую», затем вернусь обратно.

– Правый путь свободен! – прохрипела трубка. – Будешь возвращаться, пропусти одиннадцатый!

– Принято! – ответил машинист, затем скинул тулуп, нашарил под сиденьем монтировку и спрыгнул в невидимую лужу.

Оказалось, что до пояса он на нем охотничьи сапоги. Перекинув стрелку, рыжий вернулся на свое место, и платформа, громыхая, устремилась в боковой тоннель. Из всех пассажиров только люди губернатора, одетые в серые комбинезоны, обладали сносным огнестрельным арсеналом и настоящими противогазами. Четверо угрюмых мужчин, вошедших вместе с дамой, даже здесь не разомкнули кольцо вокруг нее. Артуру показалось, что за спиной у каждого из них торчат тонкие блестящие полоски наподобие длинных шашлычных шампуров, но спрашивать Людовика он не рискнул.

На «Адмиралтейской» машинист соскочил со своего сиденья, чтобы лично попрощаться с Артуром. Людовик при этом раздувался от гордости. Даляр недовольно сопел и с нарочитой озабоченностью затягивал на спине инженера лямки вещмешка, демонстрируя, кто здесь хозяин. К счастью, станция оказалась неглубокая, наверху короткой лестницы троюм поджидал коротко стриженный дед в изгрызенном молю соболем палантине. Обязанности кассира исполняла высокая тощая девица в чернбурке, с обрезом за спиной. Людовик послал ей воздушный поцелуй. Кассирша фыркнула и отвернулась с нарочитым безразличием, но, когда бородач проходил мимо, охнула и потребовала показать ей раны. Дед отодвинул тяжелые засовы и выглянул наружу, держа наизготовку потертый «калашников». Даляр нетерпеливо постукивал ногой, Людовик с театральным удовольствием показывал девушке следы укусов. Наконец раненый получил в подарок чистый бинт, короткий поцелуй в щеку, и подземка осталась позади.

На брусчатке Дворцовой площади Ковалю вновь охватило чувство полной нереальности происходящего. Он прихрамывал в арьергарде, оберегая натертую пятку, и вертел головой. Оба его провожатых решительно двигались к парадному входу в Зимний дворец, нисколько не отвлекаясь на красоту летнего вечера. Едва покинув подземку, Даляр шумно втянул ноздрями воздух и вытащил из ножен осыпанный алмазами ятаган. Людовик натянул тетиву арбалета. По площади среди холмов мусора ветер катал целые океаны тополиного пуха. Ни единого прохожего не встретилось им навстречу, но на горбу Дворцового моста, возле костра, Коваль разглядел три малюсенькие фигурки всадников. Начало пустынного Невского перегораживала еще более внушительная баррикада, чем на Петроградской. Между покосившихся пулеметных гнезд из залежей песка торчал спаренный хобот корабельной зенитки. Вдоль Александровского сада змеился глубокий ров с размытыми краями и остатками колючей проволоки. В разбитых окнах бывшего морского училища гнездились сотни чаек, окаменевшие сосульки птичьего помета свисали с карнизов. Шестерка коней на арке Главного штаба находилась на месте, но половина скульптур с карнизов Зимнего осыпалась вниз. Или их столкнули, мрачно подумал Коваль... Зато на крыше крутились десятка два ветряков и стоял непонятно как туда взлетевший вполне целый троллейбус без колес. На подступах к царскому крыльцу начиналась гораздо более свежая линия обороны, построенная по иному принципу.

Из булыжной мостовой торчали два ряда наклонных деревянных кольев, а далее дворец окружала густая сеть колючей проволоки разной конструкции. Артур не видел, что происходит на набережной, но со стороны Мойки ограда достигала здания Эрмитажного театра и терялась в сумраке Миллионной. По углам здания и возле мостика, держа под прицелом площадь, замерли три бронетранспортера. Стены до второго этажа превратились в сплошные

жестяные заплаты. Судя по выбоинам, Зимний неоднократно обстреливали. Выше защитники музея ограничились решетками, во многих окнах горел свет. Из узкой бойницы, прямо над Каретным въездом, в лицо Артуру нацелились стволы пушек. Между рядами колючки оставался проход в виде сложного лабиринта, так что путники шли сначала влево, а затем вправо, по очереди подставляя бока наблюдающим снайперам. Снайперов Коваль заметил, уже когда к Даляру вышел часовой. Как минимум трое, посверкивая прицелами винтовок, дежурили на крыше. Очевидно, если бы Артур шел во дворец один, то не добрался бы живым и до Александровской колонны. Музейщики, повторял он про себя, музейщики. Банда, захватившая Эрмитаж во главе с папой Рубенсом, который знает, что такое законы. Звучит. Впрочем, он мог бы остаться в метро; судя по всему, тамошний полковник ничем не хуже и любит инженеров.

Часовой перекинулся с Даляром парой слов, затем кивнул и исчез за маленькой дверцей. Внутри товарищи Артура сняли с него мешок, и Людовик отправился в госпиталь. Больным он не выглядел, но раны требовали более серьезной обработки. В последний момент, перед тем как захлопнулась калитка, Артур невольно оглянулся на площадь. Со стороны Адмиралтейского проспекта, разрывая тишину дробным цокотом, рысила, запряженная цугом, четверка лошадей. Длинный закрытый экипаж на колесах размером в рост человека мягко покачивался на рессорах. Кучер сидел в закрытой будочке, а выше, из люка в крыше, по пояс торчала девушка в каске и бронежилете. Из-под уродливого головного убора выбивались длинные светлые локоны. Лица девушки Артур так и не увидел, его закрывал бронированный щиток. Стрелок медленно вращался, опершись рукой о крышку люка. При появлении дилижанса из бронетранспортера выскочили четверо парней и потянули в стороны ажурные створки тяжелых ворот. Еще двое спешно организовали проход в колючей проволоке. Не снижая темпа, кучер заложил вираж, и копыта лошадей загрохотали во внутреннем дворе. Артуру вспомнился мультфильм про маленького муравья, который во что бы то ни стало стремился засветло достичь родного муравейника.

Над равнодушным ангелом поднимался бледный серп луны. Голодный ветер свистел над безлюдным городом, где-то далеко, на пределе слышимости, раздалось несколько выстрелов и конское ржание. Затем, один за другим, раздалось десять ударов колокола. По периметру площади шел человек с факелом и разжигал огонь в железных бочках. Языки пламени с гудением лизали прохладный воздух наступающей белой ночи. Во дворе фыркали лошади, пахло сеном и жареным мясом.

– Артур! – позвал Даляр. – Тебя зовет папа Рубенс.

Часовой выкинул наружу окурочек и захлопнул калитку. У него не было огнестрельного оружия, но грудь перепоясывал патронташ, в гнездах которого вместо патронов торчали узкие метательные ножи. Не менее десятка. На роскошной плечевой перевязи висел тяжелый казацкий палаш. Но не стальной голубоватый лед клинка напугал Ковалья больше всего. В глубине вестибюля, на изысканной восточной оттоманке, увешанной золочеными кистями, царапая когтями древнюю парчу, дремало создание, словно сошедшее со страниц «Тысяча и одной ночи». Впрочем, сказками тут и не пахло. Артуру хотелось ущипнуть себя за ногу.

Лысые собаки, по сравнению с полутораметровым монстром, оседлавшим бесценную кушетку, представлялись невинными ягнятами. Животное ни в коем случае нельзя было назвать безобразным, скорее наоборот, оно обладало воистину дьявольской грацией. Коваль вспомнил, что он когда-то читал о тигре-альбиносе. Безусловно, зверь принадлежал к отряду кошачьих, к густой белой шерсти хотелось прижаться щекой и запустить в нее руки. Все четыре ненормально длинные конечности, в отличие от присущих кошкам подушечек, заканчивались вполне оформленными пятипалыми кистями. Громадная голова «тигра» росла из необычайно вытянутой, складчатой, как у мастиффа, шеи, и дремал он, откинув ее на спину, на манер африканского фламинго. Зубы под усатой губой ничем особым не выделялись, зубы как зубы,

как у нормального взрослого тигра. Словно почувствовав внимание, зверь приподнял веки и потянулся.

Артур встретился с ним глазами и понял, что по своей воле он из дворца не выйдет.

7. Семейка Рубенс

Поспевая за своим молчаливым провожатым, Коваль уже не сомневался: в Зимнем проживало гораздо больше народу, чем в бытность российских императоров. Дворец превратился изнутри в настоящий мегаполис, скорее, даже в гигантский табор. Почти весь первый этаж и подвалы занимали производства. Здесь располагались пекарня, слесарный и столярный цеха, конюшня, автоцех, мастерская экипажей, сапожники и даже маленький пивной завод. Впрочем, далеко не все делалось лишь в целях собственного потребления; проходя, например, мимо стеклодувного цеха, Артур успел заметить целые штабеля остывающих бутылок, проложенных соломой, словно предназначенные к отправке.

Ценнейшие паркетные полы почти нигде не сохранились, на месте снятых гобеленов тянулись километры телефонных проводов. Сантехники, дробя античную мозаику, вбивали крепежные крюки для прокладки водопровода, по мраморным лестницам волокушами поднимали дрова. От зеркал остались одни рамы, зато картины и скульптуры не сильно пострадали от нашествия людей. Большинство наиболее дорогих произведений искусства было когда-то давно, еще до эпохи папы Рубенса, отправлено в подвал и заперто под замок. Чего нельзя было сказать о драгоценностях. Уничтожению, разборке, распилу подверглись все без исключения предметы из золота и прочих драгметаллов. Точно так же люди растащили все холодное оружие и пригодную для бытовых нужд посуду. Музей преобразился в колоссальное общежитие, где каждый метр пространства поклонялся богу функциональности.

Большинство залов второго этажа разделялись на секции, двери запирались, и жизнь за дверями во многом напоминала коммунальное сосуществование. Даляр показал Артуру пятак, где орудовали жилищные маклеры; наиболее ценными считались «квартиры» с исправными каминами и действующей канализацией. Туалеты и водопровод проводить начали буквально пару лет назад и дотянули еще не везде, сантехники как раз заканчивали монтаж насосной станции. Остро не хватало людей, способных производить элементарные инженерные расчеты. Старшего водопроводчика, по словам Даляра, купили на три месяца в Москве и отдали за него четырех дойных коров и два ящика патронов к пистолетам, не считая оплаты труда. Коваль хотел спросить, какой валютой рассчитались с инженером, но тут путь преградила забавная процессия.

Люди сновали во всех направлениях, поодиночке и группами; после заброшенных переулков Петроградки Артур снова, почти с наслаждением, ощущал себя городским жителем. Внезапно Даляр рванул гостя за рукав, увлекая в сторону. Шедшие впереди женщины также прижались к стене. По лестнице, раздвигая толпу, поднимались шестеро мордovorотов в мотоциклетных шлемах. Первый непрерывно дул в свисток, замыкающий прикрывал спину широким плексигласовым щитом. А между ними, почти незаметные на фоне огромных охранников, взявшись за руки, почти бежали шестеро детей – четыре мальчика и две девочки. Кавалькада с топотом пронеслась по коридору, свист постепенно удалялся, а прохожие как ни в чем не бывало возвращались к своим маршрутам. Встреченным детишкам было от пяти до десяти лет, и до Артура вдруг дошло, что ни одного свободно гуляющего ребенка во дворце не встретилось. Раза два он видел подростков лет четырнадцати, и то исключительно в сопровождении взрослых...

На момент пробуждения Ковалья в Зимнем проживало более четырех тысяч человек, но точную цифру Даляр назвать затруднился. Артуру хотелось о многом спросить, но, верный своей мрачноватой манере, Даляр неохотно раскрывал рот. За позолоченной дверью с табличкой «Санчасть» Ковалья встретила черноглазая женщина в зеленом халате, респираторе и резиновых перчатках. Не успел Коваль осмотреться, как с него стянули одежду, в вену воткнули иглу, довольно грубо обследовали рот, уши и отправили в душ. Вода! Господи, какое счастье,

оказывается, всего лишь окатиться двумя ведрами горячей воды. Больше двух ведер ему не предоставили, и мыло в санчасти оказалось какое-то черное, вонючее, но и этого убожества хватило, чтобы вернуть коже естественный цвет.

Едва одолев приемную папы, Коваль понял, откуда взялись такие нерусские фамилии. Стены канцелярии украшал полный набор картин однофамильца. Искусство Фландрии немного потеснили, заняв пространство вдоль стен шкафами, но в целом зал остался прежним, добавочный интерьер поражал вакхическим размахом. Очевидно, папе нравились женщины известного телосложения; Коваль не стал уточнять. В приемной к ним присоединился перебинтованный заново и сменивший одежду Людовик. Переодевался он, без сомнения, в большой спешке, исполосованные шрамами руки по локоть торчали из французского парадного камзола восемнадцатого века.

Двое охранников, вооруженных «калашами», вторично заставили Артура раздеться и развязать мешок. Пистолет и железные прутья пришлось оставить на ответственное хранение. Кроме папы, в кабинете толпилась уйма народу. Артур не сразу понял, к кому подходить представляться. Возле огромной раскрашенной карты Питера сустились с мелкими два старичка в военной форме без знаков отличия. Девушка в кожанке кормила сквозь решетку сидящих в клетке волчат. Она сидела на пятках, держа на коленях миску с мясом, и обернулась на шум. Коваль встретили распахнутые карие глаза, чуть вздернутый нос и запачканные сажей румяные щеки. Несмотря на то что локоны она спрятала под кепку, Артур моментально узнал пулеметчицу с дилижанса. Он улыбнулся и кивнул как можно приветливее, но ответной улыбки не дождался. Девушка опять отвернулась к визжащим от нетерпения молодым волкам.

За грандиозным письменным столом, заваленным бумагами, оживленно беседовали четверо. У Артура мелькнула мысль, что дубовым мастодонтом вполне могли пользоваться российские самодержцы. Следовало отдать должное «скромности» нынешних владельцев Зимнего. Коваль наметил толстого усача, но папой оказался совсем другой человек, поджарый сухопарый дядька с сигарой в зубах. Папа ухитрился разговаривать сразу по двум телефонам, но, заметив Даляра, приглашающе помахал рукой:

– Я слушаю.

Следующие двадцать минут Коваль никто не перебивал. У папы Рубенса дважды гасла сигара, и дважды он наклонялся к тлеющей жаровне с торчащими оттуда палочками благовоний. Девушка в кепке разожгла старинный примус и поставила сверху простенький трехлитровый чайник, украшенный вензелями с императорской короной. Несколько раз, поочередно и вместе, тарахтели телефоны; трубку брал либо смуглый усатый толстяк в кашемировом свитере, либо другой сосед, хмурый, чернявый, похожий на кавказца. Коваль не сразу заметил, что в кабинете появилась еще одна женщина, рослая, пышнотелая, настоящая русская красавица. Ее спокойную, уверенную красоту не портил даже шрам на щеке. Мама Рубенс не стала садиться в кожаное кресло, которое ей подвинул кто-то из мужчин, вместо этого она, бесшумно двигаясь, расставила на ломберном столике чашки немецкого фарфора, розеточки под варенье и серебряное блюдо на львиных лапах, полное орехов и сухофруктов.

Чем дольше Артур говорил, тем понятнее ему становилось, что папа Рубенс не зря занимает свой пост. Зрочки главаря музейщиков кололи собеседника, как лезвия стилетов. На его худощавом скуластом лице не отражалась ни одна эмоция. Когда Артур выдохся и замолчал, в канцелярии установилась гробовая тишина; лишь волчата возились в клетке, и задумчиво посвистывал чайник. Никто не проронил ни слова, пока не подал голос папаша Рубенс:

– Еще раз назови адрес, где ты нашел убитого.

Старичок в военном френче быстро сверился с картой.

– Это не территория мэрии, папа. Район слева от Каменноостровского держат ребята мамы Кэт.

– Идиоты, – процедил кавказец. – Мама Кэт хочет войны с мэром?

– Это был человек губернатора! – Папа кивнул на открытый термос с пробирками. – И мы знаем, что это такое, не так ли, Сапер?

Сапером звали длинного худого человека, одетого в шелковый халат и убийственно похожего на артиста Басова.

– Если это вытяжка, значит, губернатор опять заигрывает с колдунами!

– Но он не дошел? Почему вытяжку не забрали? – спросил усатый.

– А может, его прикончили случайно? Дикари?

– Мама Кэт не жалуется убийц в своем районе. Дикари бы не решились...

– Я имел в виду желтых дикарей.

Коваль вертел головой, пытаясь вникнуть в смысл разговора.

– А кто у вас главнее – мэр или губернатор? – спросил он Людовика. За все это время Людовик и Даляр не произнесли ни слова. Вежливо слушали старших.

– У губернатора больше солдат, – откликнулся папа Рубенс. – Но мэр контролирует электростанцию и водит дружбу с нефтяниками. Предоставь нам разобраться с твоей находкой. Ты сказал, что был инженером? Умеешь работать со сваркой?

– Да. Хотя я давно не пробовал...

– Электродвигатели?

– В принципе...

– Понимаешь схемы проводки?

– Думаю, что справлюсь.

– Подземникам ты сказал, что справишься наверняка.

– Справлюсь, если хоть немного почитать...

– Впрочем, насильно тебя здесь никто не держит. Можешь переночевать и отправляться куда угодно. Можешь прожить у нас неделю. Вот это... – Папа покрутил в руке пузырек с желтой мазью. – Это лучшее доказательство, что ты не врешь. Один флакон мази против булей стоит дороже месяца работы любого инженера. Ты мог использовать мазь, и були бы тебя не тронули. Ты никудышный солдат, но бросился на помощь нашим людям. Они заслуживают взыскания. Ходили покупать у ковбоев лечебные травы и не взяли достаточного количества патронов...

Даляр и Людовик понурились.

– Его могли снабдить колдуны! – возразила мама Рубенс.

Впервые Артур услышал ее низкий мелодичный голос и тут же понял, что этой женщины, возможно, следует бояться больше, чем ее мужа.

– Колдуны не станут нарушать соглашения с губернатором, – осторожно возразил Сапер.

– Я не хочу никуда уходить! – твердо заявил Артур. – И я не встречал ни одного колдуна!

– Тогда чего ты хочешь? – Папа Рубенс, не мигая, буравил его иглками зрачков. – Мы не дикари. Назови цену. Что ты хочешь за мазь, вытяжку и пистолет?

– Мне ничего не надо! – разозлился Артур. – Я не знаю, сколько я проспал. Я не знаю, какой сейчас год. Я только недавно вспомнил, кто мои родители и моя жена...

– Жена?! – хором воскликнули старички у карты.

– Жена?! – словно эхо, откликнулась мама Рубенс.

– Ну да, жена... Ну, не официальная, гражданская жена. – До Артура запоздало дошло, что он сморозил очередную глупость.

Даляр кашлянул и поднял руку, словно школьник за партой:

– Разреши, папа! Я не успел доложить. Он читает на двух языках и говорит, что женщина дважды понесла от него ребенка.

Вот теперь в канцелярии повисла не просто тишина, а общее немое изумление.

– Он утверждает, что способен быть папой?

– Да что тут такого необычного? – взорвался Артур.

– Мы проверим! – шепотом произнесла мамаша Рубенс, но ее услышали все. Мамаша покосилась на белокурую девушку в кепке. Та сидела на краешке широкого подоконника и, заметив взгляд мамаша Рубенс, скривила губы. – Мы проверим. Миша, если приятель не врет, то отпустить его нельзя.

– Да я и сам не хочу уходить! – У Артура немного отлегло от сердца.

– Когда я еще был ребенком, – папа в очередной раз разжег сигару. Ни Артуру, ни остальным соратникам курить он так и не предложил, – полвека назад, я слышал истории о том, что на Кавказе сохранились деревни, где почти каждый мужчина мог делать живых детей...

– Сколько лет назад? – жалобно переспросил Коваль, но Рубенс его не услышал. Или сделал вид, что не слышит.

– Вот что, Артур, – перебил главарь сам себя. – Завтра уходит большой караван в Москву, нам будет не до тебя. Остановимся пока на трех моментах. Ты становишься музейщиком. Согласен?

Артур кивнул.

– Когда караван уйдет, ты проводишь моих людей в свой институт, и мы заберем ветряные электростанции. Странно, что мама Кэт их проглядела...

– Их тяжело заметить... – вставил Коваль, но Людовик уже пихнул его ногой, призывая заткнуться.

– Второе! – невозмутимо продолжал папа. – Я повторяюсь. Мы не дикари. Это значит, что у нас все работают. Неделью можешь отдыхать, мазь того стоит. Затем найдешь Сапера, он распределяет трудодни и командует производством. Примешь присягу. Если захочешь уйти после присяги, тебя найдут и убьют. И последнее. Твой случай уникален. Мы не слышали ничего подобного. Если ты можешь быть отцом, ценность твоей личности резко возрастает. Никогда и никому больше об этом не говори, если не хочешь, чтобы тебя выкрали. Даляр, заберите его к себе. Охраняйте его жизнь, как он охранял вашу.

– Мы поняли, папа!

– Для остальных сочиним сказку. Пусть все думают, что ты пришел с караваном ковбоев из Риги. Никто не сможет это проверить, ковбои не нанимают охрану в городе. Всем понятно? Я спрашиваю, все поняли, что Артур пришел с ковбоями из Риги? – Михаил оглядел присутствующих немигающим стеклянным взглядом. Ковалю показалось, что по залу пронеслась, шевеля волосы на макушках, невидимая секира.

– Поняли, папа...

– Понятно...

– Отлично! – сменил тон Рубенс. – Лидия, налей нам чаю. Ближайшие дни я буду занят, нам не удастся поболтать. Так что пользуйся чаепитием, задавай вопросы. Я вижу, ты чувствуешь себя неловко в нашем обществе?

– Да нет, все нормально. Просто я...

– Меня зовут Чарли! – подал руку толстяк. – Я старшина Торговой палаты Питера и веду в Эрмитаже коммерческий отдел. Надумаешь что-нибудь купить, сперва посоветуйся со мной.

– Чарли в курсе всех сделок от Чухни до Кавказа! – рассмеялась Лидия, наливая Артуру заварку. – Он знает цены на товар раньше, чем его привозят на торги. А это Руслан, – представила она черноволосого кавказца. – Наш министр обороны.

– Рад познакомиться! – Рукопожатие Руслана больше походило на стальной зажим. – Перед тем как выйти в город, проведешь недельку в тире. Даляр тебя проводит. Хочешь жить – научись метать ножи.

Кроме Сапера в чаепитии приняли участие и оба похожих друг на друга старичка. Впрочем, они на поверку оказались братьями. Лев возглавлял учебный процесс для детей и курсы ликбеза для оболтусов вроде Людовика, а заодно отвечал за перепись книг и библиотечный обмен с другими колониями в городе и за его пределами. Аркадий ведал строительством и в

текущий момент исполнял обязанности главного инженера, но признавал, что знаний у него для этого недостаточно. Недаром Чарли Рокотов был вынужден с согласия папы выписать из Москвы толкового сантехника. Зато у Аркадия имелся потрясающий нюх на нужные для коммуны приспособления и инструменты. Как понял Артур из разговора, не так давно Аркадий доложил папе, что по заброшенным домам собрано достаточно материалов для строительства новой котельной. Подключив новую котельную, музейщики могли бы попытаться протопить корпус Генерального штаба и до зимы переселить часть людей туда. Если верить Людовику, население дворца прирастало, разными путями, человек на десять в месяц. Кто-то приходил от ковбоев, иначе говоря, обычных фермеров, кто-то откупался из других коммун или соглашался продаться навсегда, прельщенный лучшими условиями содержания. Лев не строил оптимистичных прогнозов относительно роста населения; никто толком не понимал, становится людей больше или нет. Артуру эти упоминания о мягкой «работоторговле» немного резали слух, но постепенно он привык. Выяснилось, что торговцы, такие как Чарли, участвуют от имени своих коммун в постоянных «ярмарках вакансий», и для специалиста совершенно незачем стоить сотню верховых лошадей или двадцать подвод с картофелем.

Оставался еще один член Совета, мама Рона, строгая черноглазая женщина средних лет в зеленом халате, что брала у Ковалю кровь. Она появилась на несколько минут, во всеуслышание поздравила Артура с успешным прохождением экспресс-теста и удалилась, сославшись на тяжелых пациентов. Ковалю объяснили, что медики уровня мамы Роны представляли собой колоссальную редкость; и даже когда ее покупали на время чужаки, папа посылал вместе с ней четверых телохранителей. Неделя работы мамы Роны в чужом госпитале и обучение тамошнего персонала стоили покупателям пяти ящиков дефицитнейших патронов, или тонны овечьей шерсти, или сотни пар первоклассных кирзовых сапог. Дороже медиков, сказал Чарли, стоят только мамы. Но главную головную боль для мамы Роны во дворце представляли не обычные больные, пострадавшие от укусов хищников или подхватившие лихорадку.

Главной заботой был детский сад. Теперь Артуру стало ясно, почему жители Зимнего прижимались к стенкам, освобождая путь телохранителям, ведущим детей в санчасть на прививку. Детский сад прятали в самой надежно охраняемой части здания. Очень давно, еще при прежнем папе, специально заколотили окна в висячие сады, чтобы создать малышам возможность без опаски гулять на свежем воздухе. Под детским садом понимались и ясли, и школа, где преподавал Лев, – все возрастные категории от грудного возраста до двенадцати лет, когда детям разрешалось опять жить с родителями и вместе со старшими впервые покидать дворец. Никто из членов Совета не мог припомнить, кем и когда был установлен такой порядок, но все сошлись во мнении, что изоляция обеспечивает для маленьких жителей наибольшую безопасность. Там, где детей не охраняли, процент гибели был намного выше.

И последней, кого представили Артуру, была та самая нахохлившаяся пулеметчица в кепке. Арина, третья дочь Лидии и приемная дочь папаши Рубенса. Девушка так и не оттаяла, напротив, отозвав мать в угол, несколько минут с ней о чем-то шепотом пререкалась и вернулась красная и еще более злая. Тем не менее кабинет она не покинула, осталась до конца трапезы. Артур сначала думал, что Арина просто пользуется служебным положением отчима и не имеет к Совету никакого отношения, и был крайне удивлен, узнав правду. Скорее из вежливости к столу пригласили Даляра и Людовика, которые вели себя тише предметов обстановки.

Арина в свои двадцать четыре года возглавляла Стражу караванов. Было бы естественным предположить, что она подчиняется «министру обороны» Руслану, но ситуация оказалась намного тоньше. Девушка обладала какими-то чрезвычайно редкими способностями, позволявшими ей заранее чувствовать опасность. Она сопровождала дальние экспедиции с двенадцати лет и своим присутствием спасла не одну сотню жизней, не говоря уже о товарах. Одной коммерческой ловкости Чарли для ведения дел было недостаточно, а статус начальника стражи ставил Арину наравне с членами Совета.

Папа ясно дал понять, что не хочет распространяться на эту тему, и Артур сдержал любопытство. Судя по тому, что папа Рубенс, несмотря на явные заслуги, не освободил незадачливых сборщиков трав от наказания, никакой демократией в Зимнем не пахло. Людовику и Даяру предстояло по пять лишних дней отработать на заготовке дров.

В течение ужина Коваль имел неоднократную возможность убедиться в организаторских талантах и непреклонной воле Михаила. Раз десять в дверь стучали, приходили люди с различными донесениями и просьбами. Папа молниеносно решал вопросы, звонил кому-то, иногда посылал курьера. Но чаще не сходя с места переадресовывал проблемы подчиненным, подчеркивая, что приемные часы Совета длятся круглые сутки. Возражений он не слушал, просто стоял и смотрел на собеседника или молчал в трубку. Первым, допив чай, ушел Руслан, сославшись на проверку караулов. Затем откланялись Чарли с Сапером и отправились готовить караван. Коваль хотел покинуть канцелярию вместе с парнями, но хозяин кабинета остановил его движением руки. Наконец в зале осталось семейство Рубенс и «министр образования».

Как выяснилось, семья не ограничивалась мамой, папой и дочкой. Лидия, помимо Арины, родила еще троих дочерей и двоих сыновей. Из всех детей лишь младшая дочь оказалась мамой и принесла, начиная с семнадцати лет, Рубенсам уже троих внуков. Первый муж Лидии, отец Арины, погиб, когда дочери исполнился год. Михаил Рубенс трижды выигрывал Лидию в честном состязании, заслужив право на постоянную семью с ней. При этом он со спокойным лицом сообщил Артуру о том, что Лидия уже в браке родила двоих детей от других мужчин, и эти дети по договору были отправлены к отцам: сын – в Москву, а дочь – в Хельсинки. За каждого из этих «незаконных» детей мама получила порядочный выкуп, что моментально сделало ее состоятельной женщиной. Финны заплатили стадом в двести голов скота, а богатые московские подземники рассчитались пятью сотнями доз антибиотика. Не так давно на одном из фармацевтических предприятий бывшей столицы удалось восстановить производство пенициллина. Но такие выкупы действительно могли себе позволить только богатые коммуны.

Мама Рубенс тоже совершенно не тяготилась изменами, настолько редким даром стало материнство. Артур сначала понял так, что Михаил трижды дрался за Лидию в буквальном смысле слова, но опять не угадал. Среди дикарей так и происходит, подтвердил Лев, потому они и не могут десятилетиями создать устойчивых коммун. Самый сильный там получает маму, и прекрасно, если он не может стать отцом. Потому что его неминуемо прибудут из-за угла, и общество лишится будущих детей, которых и так чрезвычайно мало. В цивилизованном обществе все иначе. Женщина, способная рожать, а таких около десяти процентов, не вольна жить где и с кем захочет. Она не может быть одна, но может взять в мужья сразу троих, ее право, лишь бы они были папами. Во всех питерских коммунах таких женщин брали на полное содержание и требовали от них только одного – рожать как можно больше и, по возможности, от разных мужчин. Реальных производителей мужского пола появлялось на свет еще меньше, чем потенциальных рожениц. Лев сказал, что виной всему последние вакцины, использовавшиеся во время разгара пандемии.

Михаил не дрался за Лидию на ножах, просто редкие заезжие конкуренты, даже предлагавшие невесте целые состояния, не выдерживали беспристрастного отбора. Кто-то баловался наркотиками, кто-то имел явные признаки мутаций, кто-то был неизлечимо болен. В этом месте рассказа Артура подкараулило очередное потрясение. Отбором занималась не невеста, а отдельный независимый орган – Совет врачей. Медики, вроде мамы Роны, съезжались для консилиумов со всего города и принимали решения. Естественно, той качественной диагностики, какой она была до массовых смертей, не существовало, но в среде врачей находились люди, подобные Арине, умевшие предугадывать отклонения в развитии плода. Совет врачей не мог допустить, чтобы мама потеряла два-три года жизни на вынашивание больного ребенка. Посему лишь спустя двенадцать лет отыскивались двое здоровых, которым Лидия родила детей.

Теперь-то Ковалю стало ясно, почему все так переполошились, узнав о его «редких» способностях. Здорового папу могли, конечно, выкрасть, но проще было его купить на время, так что Рубенс несколько сгустил краски. В то же время мамаш берегли как зеницу ока. На сегодняшний день в Эрмитаже на тысячу двести женщин приходилось сорок восемь здоровых рожениц, а большой караван, уходящий утром в Москву, вез на продажу четырех будущих молоденьких мамаш. Девушки стоили больше, чем все остальные товары, вместе взятые.

Артур какое-то время сидел, совершенно оглушенный от полученной информации. Он даже не сразу придумал, о чем еще можно спросить.

– А этот зверь, внизу?..

– Подарок с Урала, – улыбнулся Михаил. – У нас их несколько. Понятно, что тебя так напугало. И тигр, и були, и многие другие новые виды, которые появляются постоянно, еще не самое страшное. Були, например, возникли именно здесь, на берегах Балтики. Мой отец рассказывал, что во времена его молодости их еще не было. Поэтому нам и нужен толковый сантехник, чтобы обезопасить водозабор...

– Я читал в старых газетах, – добавил Лева, почесывая редкую бородку, – что в Балтике растворяется огромное количество вредной химии, сброшенной туда во время прежних войн. Кроме того, в год Большой смерти испортились очистные сооружения, а спустя десять лет умерли леса на юге, там, где стоит брошенная ядерная станция. Птицы, собаки и другие звери пили эту воду и пьют до сих пор. Тебе повезло, что не встретил летунов или болотных котов. Впрочем, они редко заходят в город или днем сидят в подвалах... Тигр очень тихий, по сравнению с тем, что можно встретить, скажем, на правом берегу...

– И по сравнению с людьми, Лева! – уточнил Рубенс. – Понимаешь, Артур, Лева среди нас, музейщиков, самый образованный человек. Не так давно он выдвинул одну теорию, и я склонен считать, что он прав.

– Он перетаскал сюда всю Публичную библиотеку. Даже в коммуне соборников нет столько книг. И он прав, иначе этот бред не объяснить! – Лидия ласково погладила мужа по плечу и подлила ему кипятку в чашку. – Лева, расскажи!

Лев покраснел от смущения, но было видно, что ему очень льстят похвалы начальства.

– Идея абсолютно не нова. Но, приняв ее на веру, мы почти сразу получаем объяснения многим странностям, которые происходят последние годы, а для вас, Артур, они, очевидно, покажутся чудесами...

– Вот что! – Папа Рубенс поднялся. На высокой спинке его резного кресла красовался двуглавый орел со скипетром и висел облезлый горностаевый палантин. – Лева, забирай Артура с собой, там поболтаете, а я вынужден вас покинуть. Или после долгого сна тебе не терпится поспать, дружище?

– Так сколько же я проспал? – Шутка Рубенса вернула Ковалю на грешную землю. О самом главном он так и не выяснил!

Мама Рубенс мягко потрепала его по плечу, Лев сделал вид, что ищет что-то в своей кружке, Арина отвернулась к волчатам.

– Идет две тысячи сто двадцать седьмой год от Рождества Христова, приятель. – Михаил обогнул ломберный столик, испытующе глядя Артуру в глаза. – Соборники, хранящие время, не ошибаются. Ты проспал в холоде сто двадцать лет!

8. Новая русская нечисть

Несмотря на преклонный возраст, Лева проскакивал сумрачные повороты Зимнего с резвостью теннисного мячика. Даляр заступал в ночной караул, а раны Людовика не очень понравились маме Роне, и она забрала юношу в госпиталь. Остаться одному после последнего известия Артуру совсем не улыбалось, лучше провести ночь в обществе книжника. Коваль внезапно осознал, что означает срок в сто двадцать лет. Даже если бы не случилось массовых смертей, за век растворились в земле все, кого он знал. Он не найдет даже детей и внуков своих друзей... Он не найдет даже могилы матери и могилы жены.

– На мой взгляд, слово «нечисть» не годится! С мифологией указанные явления не имеют ничего общего...

– Простите? – Артур помотал головой. Оказывается, Лева давно что-то говорил, а он прослушал самое интересное.

– Я повторяю. Нечисть существовала в сказках. Ни один сказочный персонаж не встречается в реальной жизни. Осторожно, ступеньки!

«Министр образования» уверенно спускался по спиральной лесенке. Коваль уже позабыл, насколько Эрмитаж огромен. Кроме того, Лев вел его закоулками, недоступными простым экскурсантам двадцать первого века. Здесь не так пахло горелым деревом, дымом и уборной, как в жилых помещениях.

– Идея состоит в следующем! – Чувствовалось, что библиотекаря безумно тянет с кем-нибудь поделиться. Лидеры коммуны, по горло занятые бытовыми проблемами, слишком редко уделяли время отвлеченным теориям. Это безнадежно, вскользь подумал Артур, люди деградируют, и процесс не остановить, пока не восстановится нормальный прирост населения... – Идея состоит в том, что с падением численности людей возникают... как бы это сказать... Держите свечу, здесь темно! Я надеюсь, вы читали книги? Ах, о чем я спрашиваю? Все люди до года Большой смерти читали... Большой смертью мы называем две тысячи двадцать шестой год.

И что я заметил? Максимум так называемых чудес пришелся на незапамятные библейские времена. А если мы коснемся национальной сказочной традиции? Русские ведуны, волхвы прекрасно себя чувствовали, пока во всей Древней Руси проживало не более десятка миллионов человек. А змеи горынычи, кикиморы, лешие и прочая нечисть? Я ничего не утверждаю, но то, что происходит последние десять лет... Вы меня понимаете? Поставьте свечку сюда. Сейчас я разожгу камин...

– А что происходит?

Артур осмотрелся. Лева действительно перетаскал в Эрмитаж значительную часть Публички. В центре уставленной книжными шкафами залы на потертом персидском ковре покоился огромный глобус в человеческий рост. На глобусе, свесив лапы, дремала здоровенная летучая мышь.

– Может быть, ничего не происходит. – Лева присел на корточки перед мраморным зевом камина, достал из-за уха плачущего Купидона лучинку. – Может быть, все это было и раньше, но умело хорошо прятаться. Но, вероятнее всего, мы стоим на пороге совершенно новой эры, эры возрождения альтернативного разума. И альтернативных форм неразумной жизни. Такое впечатление, что вернулся прежний вакуум, агрессия человечества на планете прервалась, и вакуум стремится заполниться... Понимаете? Судя по Питеру, людей на планете осталось немного. В городе постоянно живет не более сорока тысяч человек. Шесть больших коммун и десятка три мелких банд. Одиночки погибают. Насколько нам известно, то же самое в других крупных городах. Здоровые мамы рождаются слишком редко, молодежь не учится грамоте,

их заставляют с двенадцати лет работать. Отсюда и суеверия... Взгляните, это летун! – Лев пощелкал пальцами перед носом летучей мыши.

Зверек расправил крылья, приподнял узкую морду и вдруг одним прыжком переместился на подставленный книжником локоть. Коваль невольно сделал шаг назад. В позе охотничьего сокола ночной хищник достигал размеров взрослого гуся. Но помимо двух когтистых лап, обнявших руку библиотекаря, мышь имела еще одну точку опоры. Метровой длины голый крысиный хвост продолжал обвиваться вокруг круглого набалдашника, которым заканчивалась ось глобуса. Последние десять сантиметров хвоста были плотно зашиты в кожаный мешочек.

– Это летун, и если с ним себя правильно вести, то в доме не страшны никакие грызуны. Даже були их побаиваются. Но в некоторых коммунах уже расцветает мракобесие, люди всерьез приписывают летунам волшебные способности. Что я могу сделать один? Еще двадцать лет, и вырастут сегодняшние дети. Мы сами готовим почву для нечисти, понимаете? Я тридцать раз ходил с караванами на юг, на запад и на восток. На пути караванов встречаются немыслимые создания. Но мы не дикари, пока не дикари. Мы понимаем, что эти создания – не оборотни, не вампиры. Возможно, последствия аварий после года Большой смерти. Но поймут ли это наши дети? Не я один храню знания, но передавать их малышам все труднее. Еще пара поколений, и суеверия захлестнут мир!

– Я тоже сперва испугался булей. В них есть что-то... Что-то сверхъестественное.

– Ни в малейшей степени. Они способны к примитивному гипнозу, регенерируют ткани, дышат под водой и дьявольски изворотливы. Но вам простительно... Бог мой, до сих пор не могу поверить, что говорю с человеком, родившимся до Большой смерти. Слушайте, неужели вы понимаете латинское письмо?

– Английский и немного немецкий.

– Потрясающе! Если вы не выберете инженерную должность, я буду на коленях просить папу оставить вас моим преемником. Английский, подумать только! – Лева нежным движением вернул вампира на верхушку глобуса. – Но мы отвлеклись. До последнего времени я был уверен, что все природные чудеса можно объяснить вредной химией. До последнего времени. Пока не понял, что возник вакуум разума.

– И кто же его хочет заполнить? – В колеблющемся свете камина Артуру почудилось, что тени на лепном потолке движутся как-то не так. Он громко откашлялся, отгоняя наваждение. – Колдуны? Вы сами сказали, что чудес не бывает...

– Колдуны – всего лишь люди, родившиеся под Красной луной. Не вздумайте болтать об этом во дворце, но... – Лев заговорщицки поманил Ковалю к себе. – Например, Арина. Если бы она родилась не здесь, а в лесных колониях или в Озерках, то стала бы самым настоящим колдуном. Она возит с собой в караване мальчишку; ему всего тринадцать, но парень уже слышит зло. Мы отдали за него соборникам четыре тонны масла и сорок свиней. Соборники поклоняются Христу, но Христос их не выручил...

Хе-хе! Дураки, они продешевили. Колдуны из Озерков опоздали, мы первыми явились за парнем. Колдуны рождаются, когда стоит полная луна, а свет заката наполняет ее кровью. Они рыщут повсюду, отыскивая детей, родившихся под Красной луной. Но два года назад на один из сборных караванов губернатора под заброшенным городом Тверь – ты слышал о таком? – напала банда. Там заправляли колдуны, которые научились переделывать обычных детей. Понимаете, к чему это ведет? Мы стараемся сохранить цивилизацию, а они еще хуже соборников, они тянут человечество не к Богу, который покинул нас, они тянут нас в леса. Смотрите!

Лева подхватил со стола тяжелый серебряный подсвечник, поманил Ковалю за собой. На стене, за стеллажами, висели две огромные карты – города и страны.

Артур пригляделся. Год издания две тысячи двадцатый. За шесть лет до Большой смерти. Карта города была разлинована разноцветными мелками, из карты России, в европейской части страны, торчало несколько флажков.

– Здесь наша территория, от Дворцового моста до Лавры, оттуда вниз, до набережной Робеспьера, а на юге, как видите, до синего собора. А здесь – маршруты караванов...

– Погодите! Я встретил Даляра на Петроградской.

– Мама Кэт гарантирует нам безопасность. Мы лечим ее людей. Вы же видели, у нас сохранилась прекрасная лаборатория и лучший больничный комплекс в городе. За это они снабжают нас бумагой, тканями и выделяют солдат для охраны сборных караванов. Мама Кэт контролирует дорогу на Чухню, до старой крепости.

– Там, наверно, в стенах следы обстрелов.

– Войны в городе давно закончились. Если мелкая шайка совершит убийство, против нее объединятся все. Их уничтожат, как бешеных волков.

– Как булей?

– Не путайте. Булей нельзя уничтожить. Разве можно уничтожить вид, который потеснил крыс?

– Зачем же тогда пушки, колючая проволока и караулы? Кто на вас нападает?

В танцующем пламени свечей печальное Левино лицо походило на сморщенную мордочку лесного гнома. Он помолчал, разглядывая что-то на потолке, затем тяжело вздохнул:

– Об этом я вам и говорю. Суеверия, которые могут оказаться не совсем суевериями. Два месяца назад не вернулись наши голуби из Гатчины. Там жила сильная коммуна ковбоев. Причинить вред ковбоям считается страшным преступлением, понимаете? Они откармливают скот, пекут хлеб.

Лев перевел дух. Извлек из кармана кусок вяленого мяса, не глядя швырнул летуну. Вампир, секунду назад казавшийся воплощением сна, рванулся вперед и молниеносно щелкнул челюстями.

– И что случилось с ковбоями? – Коваль облизнул губы. Он вспомнил, что придется в одиночку возвращаться назад по неосвещенным потайным переходам Зимнего и разыскивать холостяцкое жилье Даляра.

– Случилось нечто непонятное. Коров и свиней охватило бешенство, даже домашнюю птицу пришлось уничтожить. Много людей пострадало... Это надо видеть, сложно описать. Вам покажется невероятным, но существуют силы, способные управлять растениями. Ковбоев никто не трогает, они умеют постоять за себя. Даже мелкие банды выделяют им людей на трудодни. Идут слухи, что возле города видели Качальщиков. Тех, кто раскачивает землю, – Библиотекарь понизил голос. – Месяц назад собиралась Дума, пришли даже колдуны из Озерков и Рыбацкого. Раньше они игнорировали Думу, но после того как Качальщики стерли город Вологду...

– Как это «стерли»?!

– Там не было жителей. Но караваны, идущие к Северному морю, останавливались там на отдых. Пять недель назад город Вологда исчез, растворился в лесу. Качальщики умеют делать такие штуки, но считалось, что они не появляются ближе Уральского хребта. Многие вообще полагали, что их не существует.

– Как они могли растворить в лесу целый город, пусть и заброшенный? – Подлаживаясь под тон старика, Артур тоже понизил голос.

Где-то вдаль раскатисто ударил колокол, ему ответил другой, повыше тоном, и опять все стихло. Вампир на глобусе поскреб когтями по лакированному дереву, и Артур вспомнил очень похожий звук, что он слышал в подвале института. Летуны с ядовитыми колючками на хвостах, одним ударом парализующие взрослого волка. Летуны, предпочитающие для дневного сна сырые подвалы старого города...

– Качальщики – не совсем люди. – Лев смотрел без тени иронии. – Если не сказать хуже. Очень непросто описать то, чего сам никогда не видел. Эти... существа умеют находить слабые точки мироздания и раскачивают Землю... Они могут настроить природу враждебно к человеку. По сути дела, они считают, что Бог недоделал свою работу в год Большой смерти. Но кроме них есть и другие. Шептуны, дети Чингисхана, это дикие банды на лошадях. Они жуют дурман и становятся неуправляемыми. Это дети тех, кто до катастрофы жил в деревнях, в крови у них зависть, в их легендах поет ненависть. Некоторые банды скатились до уровня первобытных племен, от русского языка у них остался один мат, а шептуны из-за дурмана рано теряют голос и даже матерятся шепотом.

Когда нам приходится идти с ними на контакт, мы специально гоним для них дурную водку, потому что только водку они уважают. Если они попадают в дома, то любят испражняться прямо в комнатах, где едят, но при этом им нравится жить в тепле и иметь горячую воду. Но они хотят все сразу и бесплатно. Иногда прорываются в город, воруют женщин. Вы видели охрану на мосту? Пока работает подземка, с севера мы защищены, но Нарвская коммуна дважды подвергалась разграблению. Но я не это хотел показать. Видите черные флажки с датами? Это места, где исчезли караваны.

– На них напали?

– Вероятно. Еще двадцать лет назад мы торговали с Екатеринбург, Нижним и Пермью, а прежний мэр отправлял товары даже в Новосибирск и Красноярск. Сначала пришлось забыть о сибирских маршрутах, хотя там есть многое, чего нам не хватает. Потом, как видите, перестали ходить и на Урал.

– А железные дороги не сохранились? Караваны идут пешком?

– Железные дороги? А, вы о паровиках! В Москве пытаются наладить сообщение. А еще я встречал паровиков из Новосибирска. Они приезжали в Нарвскую коммуны, специально насчет покупки паровозов. На территории нарвских есть целый музей древних машин, но нет угля. Угля полно на Урале и в Кемерово...

– И что? – Коваль понял, что знает ответ.

– И ничего. Они ушли назад с караваном бывшего мэра Черняка, и больше не вернулись. Караван тоже исчез. Хотите печенья?

– Нет, благодарю... – Артур ощущал настоятельную потребность вырваться на свежий воздух. Казалось, что книжные шкафы кружатся вокруг, затопляя воздух миазмами плесени и смерти. Миллионы мертвых слов, которые никто не читает, кроме несчастного старика. Они – как миллионы погибших людей, прах которых порождает теперь чудовищ... – А тот караван, что идет завтра? Он тоже сборный? Если на дорогах так опасно...

– На Московской трассе шептуны и чингисы нам не страшны. Арина слышит их за десять километров, понимаете? А серьезную угрозу представляют только они. Торговлю нельзя останавливать...

– Я помню. Либо мы строим цивилизацию, либо уходим в лес.

– Именно. Караван не сборный, но охраны достаточно. Мы наняли ковбоев и людей мамы Кэт.

– А дикари могут от кого-нибудь узнать заранее о караване? О товарах?

– Дело не в товарах, но они нападут наверняка, если узнают, что мы везем женщин.

– А сколько стоит нанять солдата со стороны?

– Недешево. Спросите лучше у Чарли, это его стихия. Но Рубенс вынужден нанимать чужих, мы же не можем оголить караульную службу. А еще Руслан обязан выставлять людей в городские патрули...

У Ковалья родилась отчаянная идея:

– Папа сказал, что мне придется целую неделю толкаться без дела, пока я не приму присягу. Может, мне заменить одного из наемников и поехать с караваном? Я чувствую себя обязанным. Вдруг я смогу быть чем-нибудь полезен в дороге?

– На самом-то деле вас обидело, что Рубенс запретил вам покидать музей? – Лева улыбнулся, снова напомним Артуру детские книжки про хитрых гномов. – Здоровый папа слишком ценен для коммуны. Вы можете получить максимум благ, вообще не закрывая трудовней.

– Я так не смогу. В любом случае я буду работать. Наверное, из меня плохой солдат, но что-то я умею... – Артур хотел показать Лева ту часть рабочего журнала Телешева, из-за которой он так стремился попасть в караван. Но что-то его остановило.

– Не сомневаюсь. Уже знание английского дает преимущество. Нам не придется нанимать у соборников толмача на переговорах с финнами и шведами.

– Значит, меня не отпустят с караваном?

Библиотекарь удивленно покачал головой:

– Артур, вы меня неверно поняли. Никто не может вами командовать до присяги. Я уверен, что папа сочтет ваше предложение благородным. Скажу по секрету: вы уже за один вечер заслужили у Михаила репутацию. А он не из тех, кто легко доверяется чужим.

– Это я заметил... А что будет со мной после присяги? Я буду обязан ходить на цыпочках? Он пользуется здесь царской властью?

– Конечно. – Лева был чрезвычайно серьезен. – Абсолютной властью. До следующих выборов.

– Слава богу! Я уж думал, он у вас пожизненно.

– Гм! Вот у мамыши Кэт власть пожизненная, но это их внутреннее дело. Выборы проходят раз в год, тайным всеобщим голосованием.

– Всеобщим?

– А как же? Не я один читаю старые газеты, Артур. Нам известно, как выбирали своих лидеров до года Большой смерти. Перед толпами дураков разыгрывали целые представления, молодым было на все наплевать, а старики голосовали за тех, кто обещал им кусок хлеба и новые вставные зубы. Потом бумажки с подписями кидали в отхожее место, и у власти оставались те же воры. Пока нас мало, Артур, мы можем позволить себе тайное всеобщее голосование. За месяц до выборов кандидаты пишут свое имя в вестибюле. Потом они могут два раза выступить перед людьми. Папу выбирают все члены коммуны с двенадцати лет. Голоса подсчитывают прилюдно, на большом Совете. Впрочем, закон действует не так давно. Лет тридцать назад даже у нас голосовали криком, за год могли смениться четверо старейшин. Тогда коммуна чуть не погибла...

– Подождите, Лева! – Артур понял, что ему не давало покоя. – Выходит, что музейщики живут и работают как одна артель? У вас нет частной собственности? В таком случае напряженность неизбежна!

– Одному не выжить. Можете попытаться.

– А что произойдет, если папа?..

– Вы хотите сказать, если папа попытается узурпировать власть? Присядем!

Лев опустил в бархатное кресло, погладил ладонями золоченых грифонов на ручках. Коваль осторожно разместился напротив. Мебель императорского двора жалобно скрипнула. Вампир на глобусе приподнял одно сморщенное веко и снова погрузился в свои охотничьи мечты. Дрова в камине горели ярко и ровно, распространяя несравненный аромат деревенского уюта. На фоне этого домашнего тепла Артур почувствовал вдруг, каким промозглым холодом тянет по ногам.

Книжник придал осанке торжественность:

– Во время ужина вы спросили о законах. Перед вами человек, которому доверено их сохранять и укреплять. После меня этим займется мой преемник. Папа Рубенс не зря про-

пустил ваш вопрос мимо ушей, это моя обязанность просветить новичка. Принципиальных законов в коммуне музейщиков немного, и написаны они давно, когда я еще был ребенком. Все очень просто. Воровство, насилие, предательство, убийство караются виселицей. Драка, пьянство, трусость в бою, отказ от работы, оскорбление любого жителя музея, неподчинение приказам Совета влечет за собой год работ в подземке или высылку. Большинство провинившихся предпочитают подземку.

– У вас настолько хорошо живется?

– Вы напрасно иронизируете. Между коммунами поддерживается постоянная связь. В лучшем случае, у преступника есть слабый шанс примкнуть к заводским бандам. Даже соборники в Лавре, хоть и кричат о гуманизме, не возьмут к себе вора.

– Значит, оступившийся человек обречен?

– Артур, Эрмитаж никого не держит силой. Если человек ничего не должен коммуне, он волен забрать свою долю в любом виде и поселиться где угодно. Он может даже нанять стражу для переезда, скажем, в Хельсинки или Стокгольм. А потом вернуться назад и вторично принять присягу. Но вас, насколько мне помнится, интересовал вопрос силового захвата власти. Так вот, коммуна Эрмитажа существует уже семьдесят лет, она имеет самую устойчивую традицию, заведенную еще мамой Ксенией, мир ее праху. Поэтому мы живы, а других давно нет. Выбранный папа клянется на могиле Ксении служить своему народу. Он может ошибаться, как любой человек. Совет заседает без папы каждую неделю и каждую неделю спрашивает у меня, хранителя законов, не сделал ли папа что-то сознательно против интересов музейщиков. – Лев выразительно помолчал.

– И если такое произойдет, вы отправите Михаила в отставку? – с легким сарказмом осведомился Коваль.

– Михаил у власти уже шестой год, и пока люди выбирают его, – невозмутимо ответил библиотекарь. – Но такие решения на моей памяти Совет принимал дважды. Это тяжелые решения, потому что они грозят бунтом... Артур, я вам ясно прочел, что гласит закон. За предательство полагается смерть. Никакого суда. К отцу, предавшему народ, немедленно пошлют палача.

9. Караван

Московский караван выглядел более чем внушительно. Вымершая ночью, Дворцовая площадь походила с раннего утра на раздольную деревенскую ярмарку. Грохот колес, звон железа, хохот, лай собак, разноголосое пение сливались в оглушительный озабоченный хор. В распоряжении музейщиков было несколько вполне работоспособных тягачей и достаточный запас солярки, пополняемый коммуной нефтяников, но осилить развалившийся тракт могли лишь повозки на конской тяге и тяжелые тракторы.

Впереди обычно ехал тот самый запряженный шестеркой броневик, встретившийся Артуру вечером, причем лошадей тоже укрывали защитными попонами. Вооружение броневика составляли два пулемета, снятые с танков, и скорострельная пушка с патрульного пограничного катера. За броневиком шел «Кировец» с поднятым ковшом – на случай дорожных завалов. Позади кабины тракториста мастерские оборудовали вращающееся «рабочее место» стрелка. Следом построились восемнадцать обитых металлом «вагонов» на базах многоосных прицепов. Только колеса на осях крепились весьма специфические, – широкие – утыканые самодельными шипами, способные преодолеть любые ямы. Каждую платформу также волокла четверка тяжеловозов. Для заболевших лошадей и фуража выделялся отдельный «вагон». Далее катился спальный дилижанс для пассажиров и домик для отдыха свободной смены охраны. Замыкающим шел еще один трактор, он тащил на лебедке настоящий, почти не гнилой «Урал» с прицепом. В крытом кузове грузовика умещалась легкая зенитная установка, а в прицепе, на платформе, – пушка с противолодочного крейсера. Пушку для каравана любезно смонтировали портовые в обмен на все тот же остродефицитный пенициллин. Дополнительно на крыше каждого грузового фургона размещался пулеметчик, и десятка два конных охранников с ружьями скакали по сторонам.

Коваль разглядывал маленькую армию в безмолвном удивлении. Он с трудом представлял себе, каким безрассудством надо обладать, чтобы схлестнуться с подобной мощью – либо на вооружении у дикарей, в валдайских лесах, имелся танковый корпус. Словно отвечая его тревогам, мимо прошли четверо солдат, пригибаясь под тяжестью армейских минометов. Еще двое катили тележку с гранатами. Возле каравана сустились не менее сотни человек. Грузчики, построившись змейкой, передавали в чрево фургонов мешки с тканями, вязанки сапог, закатывали бочки с соленой рыбой и ягодой, вязанки волчьих шкур и свиных кож. На носилках бережно поднимали переложенные соломой ящики со спиртным. По волокушам канатами тягивали грубые стальные болванки. Верещала в клетках племенная птица, рвались с поводков собаки, ржали лошади. Наконец-то Артур встретил обыкновенных собак. Их привели ковбои – меднолицые заросшие дядьки на конях. Они же предоставили Эрмитажу недостающих лошадей. В счет оплаты Чарли Рокотов брал с собой троих пассажиров из фермерской команды.

Всего пассажиров, не считая мамаш, набралось семнадцать человек, из них четыре женщины. Мама Рона отправляла в Москву одну из своих подручных учиться новым приемам в стоматологии. Под присмотром Руслана из дворца показалась шестерка дюжих «гвардейцев», сопровождавших сундук с дорожной казной. Золото вернулось в свои права, и Артур лишний раз поразился дальновидности давно почившей мамы Ксении, мир ее праху, занявшей под колонию именно Эрмитаж. Как оказалось, мэр печатал на Монетном дворе некоторое количество золотых денег, но весовые обломки из запасников дворца обеспечивали музейщиков «твердой валютой» на десятилетия вперед.

Своей должности шеф безопасности соответствовал идеально. Несмотря на сутолоку и постоянный приток народа, Руслан обеспечивал на площади идеальный порядок. По периметру, никого не пропуская, стояли цепью солдаты с собаками и ручными волками на длинных поводках. Еще дальше, встречая гостей, носился покореженный военный джип с автоматчи-

ками. Стрелки на обитых железом тачанках держали под прицелом Мойку и Адмиралтейский проспект. Руслан сам подошел поздороваться. Артур испытывал перед ним некоторую неловкость, потому что от его услуг в качестве охранника отказались. Папа, однако, нашел хитрый выход и придумал для дополнительного пассажира особое поручение. Еще с раннего утра люди Рубенса сгоняли к мамаше Кэт и заявили права на ветряные мельницы, обнаруженные Ковалем. Полный комплект отбить не удалось, но и две штуки стали знатной добычей, что дополнительно подняло рейтинг Артура. Заглянувший после ночного караула Даляр пожал Артуру руку и подарил прекрасный охотничий нож.

– Жаль, что Лю огорчится! – скупое усмехнулся солдат. – Он ведь поверил, что ты с рыбацких островов, где не прошла Большая смерть.

Коваль получил еще одно доказательство того, что папа Рубенс ничего не забывает. И сержант Даляр, и Людовик были сняты с караулов и вместо других солдат приписаны к каравану. Наказание теперь ждало их по возвращении. Папа Рубенс вручил Артуру рекомендательное письмо для главы московской коммуны паровиков. Но еще сильнее, чем железная дорога, Михаила вдохновил проект радиосвязи между столицами. Коваль ничего не обещал, но высказался в том духе, что если ему отыщут два прилично сохранившихся телеграфных аппарата, то он попробует что-нибудь наладить. О проводной связи пока никто и не мечтал; большинство столбов по дорогам давно попадали, потянув за собой кабель. С подачи Ковалья главному инженеру поручили совершить набег на Музей связи, о котором почти забыли. Артур был немного ошарашен скоростью, с которой папа принимал решения. С одной стороны, это не могло не радовать. Без такой буйной энергии удержать в кулаке дивизию разномастных граждан было бы непросто. В случае успеха проекта Артуру светила великолепная карьера – должность начальника всей питерской дальней связи. В случае успеха...

Он особо не обольщался. В тот момент ему казалось странным, что за столько лет не нашлось никого, способного организовать элементарный телеграф. Артур никак не мог привыкнуть к мысли, что люди просто не помнили, как пользоваться техникой двадцатого столетия. Старых книг никто не читал, а технические навыки передавались практически без записей, живым примером наставников. Нефтяники хранили в танкерах море сырья, но ни одна живая душа не представляла, как запустить производство солярки. Коваль решил пока помалкивать о своих школьных знаниях, чтобы папа не передумал и не посадил его на цепь.

Между фургонами подвесили телефонные провода, охрана построилась для последнего напутственного слова, и караван начал разворот в походный порядок. Номинально старшим назначался Чарли, но на весь путь до бывшей столицы бразды правления переходили к Арине. Коваль видел, с каким почтительным вниманием слушают хрупкую девушку головорезы мамы Кэт и суровые деревенские парни, увешанные дробовиками. Всего под ее командой собралось сто двадцать бойцов и тридцать человек obsługi. Изнутри штабной дилижанс оказался половинкой купейного вагона от николаевского экспресса, и Чарли Рокотов забрал Ковалья в свое двойное купе. За перегородкой размещалась личная охрана, отборный «спецназ» Руслана и дорожная казна. В следующее купе, отделанное мехами, никто не допускался. Артур краем глаза заметил там ванну и маленькую кухню с керосиновой плиткой. Будущих мам заранее окружали комфортом.

Следующий час Артур почти безвылазно провел переходя от одной смотровой щели к другой. Караван миновал арку Генштаба, свернул на Невский, затем на Садовую и, чуть замешкавшись у баррикады в начале Московского проспекта, вышел на стартовую прямую. Не прошло и суток, а Коваль рассматривал родной город под совершенно иным углом. Не как несчастный голый беглец, а в статусе значимой персоны. Центральные районы сильнее всего пострадали от уличных боев. Артур мог только догадываться, какие вооруженные драмы разворачивались тут век назад.

У Елисеевского гастронома не хватало половины фасада, обуглившиеся аркады Гостиного двора торчали, как ребра уснувшего морского исполина. По шпилью бывшей Думы, вне сомнения, палили из пушек. Не менее страшным разрушениям подверглись и другие дома на Перинной, крыша торговых рядов рухнула, словно примятая великанской пяткой. Из выбитых окон Пассажа на всех этажах росла трава. Могучие жеребцы Клодта оставались на местах, зато особняк Белосельских-Белозерских выгорел дотла. Но за дорожным покрытием в центре присматривали, кто-то регулярно выжигал наступающие армии кустарников, по центру проезжей части в несколько рядов были уложены бревна. Возле спуска в метро копошились десятки человеческих фигур, пара лошадей тащила по Садовой дребезжащий трамвай с понуро торчащей стрелой подъемного крана. Пропуская караван, подземники махали вслед, кто-то перекрестил трактор, две пожилые женщины в черном держали иконы.

На Московском проспекте в районе парка Победы произошла первая остановка. На стенке штабного купе висели три доисторических телефонных аппарата, по одному из них Чарли коротко поговорил и раздраженно выругался. Оказывается, банда под героическим названием «Восьмая дивизия» требовала плату за проезд. «Дивизионщики» размещались в сталинских домах, примыкавших к парку, и в здании новой Российской библиотеки. На арене бывшего стадиона они разводили скотину и содержали неплохой ипподром.

Коваль вслед за Чарли поднялся в башню над вагоном. Пассажирам категорически возбранялось покидать караван вне запланированных привалов, и Артур никак не мог увидеть, что происходит впереди. Чарли снова перекинулся парой фраз с Ариной; выяснилось, что «Восьмая дивизия» права, музейщики оставались должны по какому-то старому спору двадцать трудодней или соответствующий эквивалент в золоте. Когда вопрос был урегулирован, «Кировец» взревел, на передней карете ударили в колокол, и гигантские колеса снова загремели по деревянной мостовой.

Артур прилип к смотровой щели. Ему хотелось зажмуриться или протереть глаза. На обочинах проспекта стояли четыре танка. Гусеницы боевых машин давно прогрызли сорняки, но поворотные механизмы башен выглядели вполне исправно. Верхом на сияющих свежей краской стволах восседали молодые люди в коротких армейских дубленках на голое тело и провожали караван задумчивыми взглядами.

– Чарли! – спросил Коваль. – Эти ребята, они приносят какую-то пользу? Нам обязательно им платить?

– Как тебе сказать... – Рокотов скорчил забавную рожу, показывая, что понял иронию. – Считается, что банда охраняет южный въезд. Иногда они проводят скачки или кулачные бои и приглашают всех желающих. Здесь не так-то много развлечений.

– Они берут со всех плату за проход?

– Со всех плату взять невозможно, только с тех, кто нуждается в хорошей дороге. Любой всадник объедет их заставу по соседним дворам.

– Выходит, они не защищают город, а только собирают мзду с караванов?

– Ты прав, но не торопись с выводами! – Чарли бросил на Артура быстрый взгляд. – Питер невозможно обнести стеной. Уже много лет коммуны и банды выставляют мобильные патрули. Они надежнее любых застав. С тех пор, как шептуны вырезали банду речников. Знаешь, где когда-то был Речной вокзал?

Артур кивнул.

– В патрулях есть особые люди, их присылают колдуны, – продолжал Рокотов. – А иногда обходимся без их помощи. У губернатора есть двое мальчишек, и у портовых тоже; их носят на носилках и охраняют надежнее, чем золото. Зато наши колдунчики помогают вылавливать шпионов, проникших в город.

– И что с ними делают? Убивают?

– Ну зачем же? – искренне опечалился главный коммерсант. – Раньше убивали сразу, потом пытались отправлять на пожизненные работы. Но дикари не любят труд. Так что теперь, если поймают живьем, – Чарли сделал паузу, – их продают другим диким племенам. Им всегда нужны рабы, а платят они хорошо.

– Как так можно? – опешил Артур. – А если человек пришел с миром? Так и меня могли продать кочевникам?

– Тебя бы не продали. Тебя видела Арина, и, кроме того, ты понравился Лапочке.

– Лапочке?

– Ну да, тигру. Это не просто сибирский кот. Он, пожалуй, поумнее некоторых людей! – Чарли заразительно захохотал и сразу стал похож на шkodливую мальчишку. – Пошли вниз, надо успеть позавтракать. Слышишь колокол?

– А куда мы опаздываем? – Коваль потеснился, уступая место пришедшему на смену новому стрелку. Прежний парнишка отсалютовал и передал сменщику подводную маску.

– Встречаются ловкачи, – объяснил Рокотов, – способные со ста шагов попасть отравленной стрелой в глаз. Угощайся, у нас с собой целая бочка прекрасной рыбы из Ладogi!

Артур отдал должное: жареная рыбка, действительно, была восхитительна.

– Мы не опаздываем. – Чарли промокнул усы вышитой льняной скатеркой. – Но скоро на нас нападут.

– Как это?

У Артура рыба застряла в горле. Он приставил глаз к дырочке в стене. Караван, набрав умопомрачительную скорость, километров пятнадцать в час, неторопливо рассекал совхозные просторы. За стенками дилижанса метров на двадцать тянулась полоса выжженной земли, а дальше сплошной стеной поднимались настоящие северные джунгли.

– Очень просто! – Рокотов с наслаждением рыгнул и похлопал себя по внушительному животу. – «Восьмая дивизия» ухаживает за дорогой до развилки, а дальше мы предоставлены самим себе. Ты доел? Хорошо, тогда можешь взглянуть. С другой стороны!

Коваль прильнул к смотровой щели в коридоре и мысленно поблагодарил попутчика за проявленную заботу о его аппетите. По правую сторону зарастающего шоссе в два ряда стояли виселицы. «Восьмая дивизия» наглядно демонстрировала заезжим «туристам» свое гостеприимство. Некоторые мертвецы были вполне свежими, от других остались одни кости. Под виселицами шныряли какие-то мелкие животные, но из дилижанса рассмотреть их было невозможно. Под высокими, небрежно сколоченными вышками горели костры. Часовые прятались в закрытых «скворечниках». Коваль успел заметить, как с одной из вышек взлетели два белоснежных голубя. За неимением лучшего человечество возвращалось к проверенным почтовым технологиям.

Мы обязаны возродить нормальную связь, подумал Артур. Он и сам не заметил, как употребил местоимение «мы». Музейщики постепенно становились его новой семьей...

За частоколом виселиц тянулся последний форпост цивилизации: грандиозная линия дзотов даже спустя столько лет не потеряла своего устрашающего величия. По обе стороны от шоссе, несмотря на буйную молодую поросль, угадывались остатки широкой контрольно-следовой полосы, некогда оставленной защитниками Петербурга. На том месте, где водителей встречал указатель поворота на Пушкин, сохранился пробитый множеством осколков железный щит. Под щитом, покуривая, сидели у костра несколько бородатых мужиков в тулупчиках «Восьмой дивизии». Внезапно конная охрана каравана сбила строй. Лошади под кобоями хрипели и вставали на дыбы. Ближайший наездник вынужден был спешиться и, осыпая коня градом ударов, буквально волок его за собой.

– Видишь? – равнодушным голосом спросил Рокотов. – Там, за пушкой...

Артур всмотрелся. Чуть в стороне от костра, прикрытая маскировочной сетью, несла дежурство артиллерийская батарея. Если губернатор контролировал арсенал несуществую-

щего нынче МВД, то «восьмая» почти сплошь состояла из потомков военнослужащих. Вполне естественно, что в их распоряжении оказались значительные «осколки» военной техники, а выстрелить из пушки по прямой мог бы и debil. За сетью взгляд Артура нащупал какое-то шевеление.

– Они что, тоже ручные? – только и мог выговорить он.

– Они хуже диких!.. – прокомментировал «министр торговли».

Связанные цепями в упряжки, на привязи бесновались шесть болотных котов. Артур уже не удивлялся, что лошади испытывали такой панический ужас. На своих домашних предков серые чудовища походили не больше, чем альбинос Лапочка. Каждый размером со взрослую рысь, только в два раза шире, с вытянутыми вперед кабаньими клыками и торчащими, как у тойтерьеров, щетинистыми ушами – настоящие исчадия ада. В стане хищников валялся обглоданный лосиный скелет. Могучие рога, как протянутые кисти рук, взывали к низким облакам.

Сразу за развилкой хорошая дорога закончилась. Шипованные колеса запрыгали в глубоких колеях. Двое дядек в полковничьих папах вручную крутили тяжелый ворот, задвигая на трассу бревно шлагбаума. На расстрелянном щите Артур не без усилий прочитал выцветшую от дождей надпись: «Водитель, стой! Въезд только для санитарного транспорта. За нарушение режима открываем огонь без предупреждения!»

С ума сойти, поежился будущий начальник связи, какой кошмар должен был происходить вокруг города, если оборону держали воинские части! А судя по разбитому в хлам центру, удержать оборону они не смогли...

В купе негромко постучали.

– Пошли! – сказал Чарли. – Тебя ждут.

В центре вагона было оборудовано нечто вроде кают-компаний с овальным столом посередине. Сейчас тут собрались все пассажиры, кроме мам, и свободная от вахт охрана. Четверых юных «невольниц», похоже, не видел никто; их провели в вагон через второй тамбур и заперли в купе.

Люди буквально стояли друг у друга на головах. Коваль невольно поежился, попав под обстрел десятков любопытных взглядов. На фоне лохматой толпы он, с едва появившимся пушком на темечке, чувствовал себя голым. Но отвертеться от пресс-конференции не удалось. Еще во дворце Чарли предупредил, что слухи разносятся быстро, и полгорода в курсе о человеке, родившемся до года Большой смерти. Легенда о парне из Риги провалилась.

– Спрашивайте! – обреченно предложил Коваль и уселся на предоставленный ему стул венецианской работы.

Последующие два часа он четырежды прикладывался к бутылке с драгоценным пшеничным пивом, чтобы промочить горло. Он никогда так долго не говорил. Артур переживал, что людей будут волновать какие-то глобальные проблемы, связанные с катастрофой, ведь об этом периоде он ничего не знал. Но большинство вопросов были заиклены на самых земных, обычных темах.

Большой ажиотаж вызывали семейные отношения; многие попросту не верили, что женщины и мужчины могли свободно сходить и расходиться, строить новые союзы и разрушать старые. Несколько раз откровенная беспардонность ставила Артура в тупик, он беспомощно оглядывался на Рокотова, ища его поддержки, но торговец только пожимал плечами. Ему, как и прочим, совсем не казалось бесстыдным копаться в чужом белье. Шоком для присутствующих стали сведения о старом российском Уголовном кодексе и о свободном перемещении детей по городу.

– Как это может быть, – возмущался взъерошенный старичок в потрескавшихся очках и огромной, до колен, нейлоновой рубаше, – чтобы вор украл дважды и после этого был опять отпущен на свободу?

Кают-компания согласно загудела.

– О каком перевоспитании ты говоришь, дружище? – брызгал слюной очкарик. – Если вор уже получил год подземных работ или год рубил лес, этого вполне достаточно, чтобы воспитать любого. Следующим наказанием может быть только виселица.

Коваль не знал, что ответить. С сегодняшней точки зрения, старик был абсолютно прав...

– Как опасна была ваша жизнь! – тоненьким голоском протянула одна из женщин. – Нам читали древние газеты, но мы и поверить бы не могли, что под колесами телег тогда гибло больше людей, чем жителей в нашей общине...

У Артура комок подкатил к горлу. Он все еще не мог привыкнуть к тому, насколько неузнаваемо изменился мир. С этими недоверчивыми, заскорузлыми людьми предстояло провести неделю; вот во что превратились привычные восемь часов в ночном поезде. Расстояния снова измерялись средневековыми мерками, и если люди срочно не наладят связь и не запустят паровики, то дальше станет еще хуже. Шоссе окончательно зарастут лесом, в котором станут хозяйничать кошмарные герои сказок. А там, по логике вещей, недолго до человеческих жертвоприношений! Артур и представить себе не мог, насколько скоро сбудутся его мрачные прогнозы...

Склянка на головном броневике отбила полдень.

– Привал! – объявил Чарли, вытаскивая слегка одуревшего от жары и духоты Артура из плотного кольца любопытных. Пассажиры все никак не желали его отпускать, и пришлось пообещать, что завтра экскурс в прошлое будет продолжен.

На самом деле, невзирая на усталость, Артур был даже рад. Благодаря попутчикам он почти полностью восстановил в памяти детали последних дней. А главное, он вспомнил, как так могло случиться, что он согласился на двадцатилетнее погружение. Это замечательно, что он проснулся сейчас и здесь; в ушедшем мире ему снова бы не захотелось жить...

Тосно караван обошел стороной. Коваль спросил, почему не поехали по новой трассе, которую прокладывали еще при нем, а выбрали старую двухколейную дорогу. Рокотов сумрачно потерял усы и пообещал кое-что показать.

Фургоны организованно разворачивались в широкое кольцо посреди просторного участка земли, вытоптанного следами тысяч колес и конских копыт. В центре круга оказались обе пассажирские повозки и целый табун запасных лошадей, которых Коваль раньше не заметил. Очевидно, ковбои пригнали их позже. Броневики и «Урал» с гаубицей неторопливо барражировали снаружи, а третий, дальний, круг образовала редкая цепочка конных стражников.

Артур соскочил с подножки. От лесного чистейшего воздуха кружилась голова. Он огляделся и, к собственному удивлению, убедился, что место ему знакомо. Караван остановился на подступах к нефтебазе. Из бурьяна торчали почерневшие от времени останки автозаправки, на опушке в зарослях малины угадывались фундаменты административных зданий, а над кронами леса, словно забытые космические корабли, пузырились стационарные танкеры.

– С другой стороны! – подсказал Рокотов.

Артур сначала не понял, куда указывал толстый палец коммивояжера. Взмывающий по пологому склону лес выглядел вполне обычно. Но все же, все же...

– Черт! – выдохнул Коваль. – Но так не бывает!

10. Зеленая атака и дети Красной луны

– Поэтому уже девять лет никто не ходит по верхней дороге. – Чарли свернул самокрутку и поднес к глазам бинокль. – На Валдае такие вещи происходили слишком часто. Там никто не хочет селиться, хотя для скота места отличные. Здесь тоже жили ковбои... – Он передал Артуру бинокль.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.